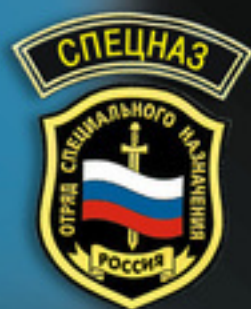

Альберт
Байкалов

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

СПЕЦНАЗ

Разрушители

Филин

Альберт Байкалов

Разрушители

«ЭКСМО»

2011

Байкалов А. Ю.

Разрушители / А. Ю. Байкалов — «Эксмо», 2011 — (Филин)

План, разработанный аналитиками западных спецслужб, казался блестящим. Лидеры чеченского подполья на территории Грузии имитируют создание лагеря для подготовки террористов из числа лиц славянского происхождения. Российский спецназ непременно должен клюнуть на эту приманку и выслать диверсионную группу. Диверсантов поймают, и накануне очередного раунда переговоров по сокращению вооружений в Европе разразится международный скандал... Расчет вроде бы безошибочный. Но в ЦРУ не учли одного – что в Грузию отправится группа спецназа ГРУ под командованием подполковника Антона Филиппова по кличке Филин. А эти люди знают, как обходить ловушки...

© Байкалов А. Ю., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Альберт Байкалов

Разрушители

Глава 1

Антон Филиппов очень любил просыпаться дома и проводить время в кругу семьи. Вроде бы ничего необычного в этом нет. На самом деле, не всем дано испытать подобное удовольствие. Многие, например, стараются при первой возможности сбежать к любовнице или случайной знакомой, на худой конец провести большую часть ночи за кружкой пива в компании друзей. Кто-то с утра не желает слышать брюзжание жены, видеть ее в мятом халате и стоптанных тапках, у кого-то просто болит голова, а кому-то осточертел крик ребенка и ворчание тещи. Причин много. У Антона с этим все было в порядке. И возможности ходить налево больше, чем у любого мужичка, и средства позволяют, да и слабый пол не обходит его вниманием. Но нет, не использовал он их. Приключений и так хватало. Однако, как это ни парадоксально, домоседом все же его назвать было нельзя. Работа такая, что находиться рядом с близкими ему людьми приходилось не часто. А жену он просто обожал. В сыне души не чаял и дорожил каждой минутой, проведенной вместе. Может быть, правильно говорят – любить надо на расстоянии? Командировки, учения, дежурства... Жизнь состояла из сплошных расставаний и встреч. И не все они происходили в родных стенах. Сколько раз Регина приезжала к нему в госпиталь...

Антон нежился в кровати, с удовольствием вдыхая доносившиеся с кухни ароматы. Вообще, запахи дома в первые несколько минут после сна ощущаются наиболее остро.

Регина давно встала и собиралась в очередной раз удивить своими кулинарными способностями. Был вторник, но она, по случаю выходного мужа, тоже отпросилась с работы.

В октябре группа спецназа ГРУ, которой командовал Антон Филиппов, по кличке Филин, выезжала на Северный Кавказ. Результатом командировки стало не только уничтожение в Чечне бандформирования во главе с полевым командиром Хусейном Вадаловым и организованной преступной группы в Ингушетии, которая имела тесные контакты с экстремистами. В ходе операции в распоряжение спецназовцев попала информация о подготовке террористических актов в столице России. Совместно с ФСБ и МВД «нелюди» были выявлены. Большинство из них уничтожены, остальные предстали перед судом. Однако ожидаемого отдыха после выполнения задачи не последовало. Руководство в спешном порядке стало наверстывать учебные часы. Тактика, инженерно-саперная, огневая, физическая подготовки чередовались с актерским мастерством, медициной и иностранными языками. Всего и не перечесать. Немудрено: в группе появились два новичка. Однако Антона поражало, что в этот раз расписание было составлено довольно странным образом. Большая часть времени отводилась парашютной подготовке. Он стал подозревать, что это неспроста.

Антон встал, подошел к окну. От того, какая сегодня погода, зависело, чем они займут этот день. Регина тянула в театр, Сережка намекал насчет кино и аквапарка. Антон никуда не хотел, но чувствовал, что придется побывать везде.

Над городом висело серое, набухшее влагой небо. Ни снега, ни дождя, но из-за высокой влажности капало с крыш. Внизу, разбрызгивая лужи, проносились машины. Было до того пасмурно, что во многих квартирах горел свет.

Он вышел на середину спальни, несколько раз присел, вытянув перед собой руки, сделал пару наклонов, потом упал на пол и пару десятков раз нехотя отжался. Обычно утро он начинал не так, а делал гимнастику, разминая каждый сустав и связку, потом уходил в расположенный неподалеку парк, где, особо не напрягаясь, пробежал пару километров. Но сегодня не тот день.

Накануне, перед обедом, генерал прогнал группу по полосе препятствий. Болото, искусственная скала, река, канатная дорога, несколько разрушенных зданий, мост... Все мокрое и скользкое. На каждом шагу «сюрпризы» в виде сигнальных мин и внезапно появляющихся целей, которые в зависимости от дальности и степени опасности нужно было поразить соответствующим способом: нож, пистолет, «Винторез», граната. Общая оценка – «удовлетворительно». После таких перерывов это норма. Теперь же мышцы болели, а ушибленное на «скале» колено ужасно ныло.

Антон вошел в ванную, посмотрел на свое отражение в зеркале и хмыкнул. После сна возраст уже начал вылезать наружу. Взгляд серых глаз уставший, веки слегка припухшие, в пепельного цвета волосах вкрапления седины. Он провел по подбородку рукой и полез под душ. Жмурясь от удовольствия, направил на себя лейку и свободной рукой повернул никелированный рычаг смесителя. Горячие струи резко стали ледяными. Однако появившаяся в ванной Регина не дала довести тело до кондиции. Хрупкая голубоглазая блондинка, со слегка приподнятой верхней губкой, прижимала к груди телефонную трубку и виновато смотрела на мужа.

– Что случилось? – Он направил лейку в ноги.

– Тебя Дрон к телефону требует, – улыбнулась она.

– Так уж и срочно? – нахмурился Антон и выключил воду.

Регина протянула телефон.

– Слушаю тебя! – беря свободной рукой полотенце, сказал Антон.

– Доброе утро, – удрученно проговорил Дрон. – Командир, тут такое дело...

– Ну, говори, не тяни резину! – Антон прижал полотенце к голове и вышел в коридор.

– Завтра можешь отмазать?

– От чего? – не сразу понял, о чем речь, Антон.

– Как от чего? – удивился Дрон. – От занятий. Все равно до обеда прыжки, после – тактическая... У меня с этим норма.

– Не могу, – вспомнил Антон приказ генерала, что выходные он теперь назначает лично, равно как и оставляет за собой последнее слово после врачей на освобождения по причине болезни или травмы. – А что случилось?

– Да тут у жены день рождения, – расстроено сообщил Дрон.

– Поздравь от меня, и перенесите на другое время, – посоветовал Антон, наблюдая за тем, как Регина с мусорным ведром вышла на площадку. – Это раньше нельзя отмечать, а позже можно.

– Ладно, – вздохнул Дрон. – В принципе другого ответа я и не ожидал.

– Обиделся?

– Да ты что, – хмыкнул Дрон. – Я тебе для очистки совести перед женой позвонил. Знаю о приказе генерала. Так что давай. До встречи!

Антон бросил трубку на полку и отправился в комнату одеваться.

Василий Дорофеев в группе был с момента ее восстановления. Антон про себя называл его «клоуном». Объектом шуток майора мог стать кто угодно. Он знал огромное количество анекдотов. Среднего роста, с озорным взглядом, темноволосый майор редко бывал в плохом настроении. В ГРУ ходили легенды о том, как он, находясь в плену у боевиков, умудрился заставить их сбрить бороды и усы. Когда банда была разгромлена, а частично пленена, Антон долго не мог понять, отчего все бандиты с ободранными подбородками и скулами. Выглядело это войско по меньшей мере жалко. У всех был странный, диковатый взгляд, а нижняя часть лица, белая, как детская коленка, заметно отличалась от верхней, загорелой и почерневшей на ветру, словно их гримировали для выступления в цирке. Как оказалось, на одном из последних допросов Дрон назвал целью своего прибытия в Чечню сопровождение и охрану секретных боеприпасов избирательного действия. Будто бы на генном уровне они убивают только борода-

тых и неседых мужчин. Он убедил бандитов, что в ближайшее время это оружие применят по районам вероятного расположения лагерей боевиков. Недолго думая моджахеды бросились к ручью, где в грязной и ледяной воде сбрасывали свои бороды кинжалами и перочинными ножами.

...Антон натянул спортивные штаны, когда от размышлений его отвлек шум из коридора. Что-то стукнуло, потом раздался вскрик. Он насторожился. Регина выходила с мусором на лестничную клетку. Наверное, вернулась. Но что там пыхтит и шипит?

Стараясь не шуметь, Антон вышел из спальни, миновал комнату и присел у выхода в коридор.

– Есть кто еще в доме? – громом среди ясного неба раздался взволнованный мужской голос.

Не надо было иметь много ума, чтобы догадаться, что следом за Региной с площадки в дверь проскочили грабители. Или... Врагов у Антона много. Нет, он отбросил пришедшую в голову мысль. Эти пришли не по его душу, иначе бы точно знали, что сегодня он не поехал на работу.

– Одна?

Антон понял: Регине держат рот зажатым, и она отвечает кивком головы.

– Давай ее в зал, – просипел с придыханием другой голос. Принадлежал он, видимо, грузному, но еще молодому мужчине.

Антон оглянулся по сторонам. Спрятаться в комнате негде. Он вернулся назад, в спальню, и встал за дверями. Пистолет, как назло, в сейфе, встроенном в стену за бельевым шкафом. Чтобы до него добраться, нужно время.

А бандиты уже протащили Регину в комнату.

– Если руку уберу, кричать не будешь? – спросил один из них.

Больше всего, как ни странно, Антон боялся того же самого. Она могла подумать, что после душа он одевается в спальне и ничего не слышит. Попытка предупредить его осложнит положение. Бандиты наверняка готовы в любую минуту оглушить женщину или даже убить. Одновременно это лишит его появления внезапности. Судя по звукам, пока негодяи волокли ее по коридору, они попутно заглянули на кухню, в ванную и туалет и немного успокоились.

– Вы кто? – с шумом выдохнув воздух, испуганно спросила Регина.

«Умничка», – похвалил ее про себя Антон.

– Гости, – лаконично ответил голос с придыханием и стал выдвигать свои условия: – Давай так: ты сейчас нам отдаешь деньги, камушки, рыжье...

– Что, простите? – сделала она вид, будто не понимает, о чем речь.

– Золотишко, – пояснил напарник обладателя осипшего голоса.

– И мы тихонько уходим, – продолжил тот. – Ты ведь банкирша? Еще заработаешь.

– Я заместитель директора отдела кредитования, – уточнила Регина.

«Хорошо, что Сережки нет дома», – подумал Антон. Сын учился в первую смену и вернуться должен был только к обеду.

– Судя по тому, какая у тебя тачка, все равно не бедствуешь, – вновь заговорил «сиплый». – Наверняка у тебя есть банковские карты. Напишешь коды. Мы тебя крепко свяжем, и ты до вечера не сможешь их заблокировать.

– Ну, так как? – поддержал его дружок.

– Тонус, – заговорил «сиплый». – Дай сюда скотч.

– Печень, ты чего задумал? – заволновался парень, которого называли Тонусом.

– Ничего. – Раздался треск, характерный при отматывании клейкой ленты, и мычание Регины. – Ты пока здесь пошмонай, а я ею займусь. Век себе не прощу, если не трахну! Ты посмотри, какие формы... Дюймовочка!

Антон и на этот раз понял, что произошло: жене заклеили рот и сейчас будут насиловать.

Послышались приближающиеся шаги, мычание и стук Регининых кулачков по спине бандита. Еще немного, и в спальню ввалился громила с огромным животом. Печень был на голову выше Антона. На плече, придерживая за стройные ноги, он нес жену. Два шага, и этот слон уже у кровати. Антон увидел расширенные от ужаса глаза Регины и толкнул правой рукой дверь. Она плавно закрывалась, и он оказался за спиной громилы. Тот в это время положил ладонь левой руки между лопаток супруги и присел, чтобы опрокинуть ее на кровать. Антон оглянулся на дверь. Она почти полностью закрылась. В этот момент Регина коснулась спиной покрывала. Печень выпрямился и, тяжело сопя, стал расстегивать брючный ремень. Антон мог давно уже сделать с ним что угодно, но отчего-то захотелось, чтобы этот день негодяй запомнил на всю жизнь. Вот штаны свалились на пол, а куртка полетела в угол. Регина замычала и замотала головой. Но это скорее для того, чтобы отвлечь внимание громилы. Она уже заметила Антона. Опасаясь, что в любой момент может заглянуть напарник насильника, Антон больше не стал ждать, а запустил между ног Печени руку, сгреб своей пятерней через трусы набухшее мужское достоинство, с силой сжал и стал отступать к дверям. Наверняка тому показалось, что он попросту летит спиной вперед, повинувшись нечистой силе. Адская боль, пронзившая его до самых пяток, не давала даже дышать. Отойдя к дверям, Антон рванул правую руку на себя и вверх, а ладонью левой двинул бугая между лопаток. В следующий момент Печень с ревом рухнул на пол лицом вниз. Антон поставил колено ему на спину и мощным ударом кулака в основание черепа отключил и без того минимизированные процессы головного мозга. Возможно, навсегда, ну и черт с ним. Его оправдает любой суд.

– Печень! – раздался встревоженный голос из комнаты.

Антон оказался на расстоянии вытянутой руки от двери в тот момент, когда в нее просунулась голова черноволосого парня, не успевшего удивиться. Возможно, он и не разглядел ничего, а если и успел что заметить, то тут же напрочь забыл. Антон двинул в дверь ладонью с такой силой, что грохот был как из небольшой пушки. Казалось, прижатая к косяку голова грабителя разлетится на куски. В следующий момент дверь отлетела, и напарник Печени предстал перед Антоном во всей своей красе. Он продолжал стоять, изогнувшись, словно вопросительный знак, и глядя перед собой ничего не видящими глазами. Кожа от виска до скулы лопнула, по щеке на грудь потекла кровь.

Тонус оказался молодым парнем ниже среднего роста, часть шеи из-под воротничка рубашки украшала татуировка. По всей видимости, грабитель снял куртку, чтобы легче было искать ценности.

Антон не особо доверял нынешней судебной системе. Поэтому, как и в случаях с террористами, решил нанести воришкам такие увечья, чтобы даже спустя несколько лет после отсидки они не смогли больше заниматься ничем, кроме попрошайничества. В следующий момент он схватил Тонуса за запястье и с силой повернул руку против всех анатомических возможностей. Хруст рвущихся связок и выворачиваемых суставов заглушил истошный вопль, вырвавшийся из глотки домушника, пришедшего в себя от боли. Не обращая внимания на крики, Антон развернулся к нему спиной, ломая о свое плечо и так изрядно покалеченную конечность в локтевом сгибе. На этот раз парень от боли потерял сознание. Антон подхватил обмякшее тело, поднял на уровень груди и с силой зашвырнул его в угол, рассчитывая бросок так, чтобы тот еще приложился головой о стену. После этого развернулся к Регине. Сидя на кровати, она медленно отрывала со рта ленту.

Антон склонился над громилой.

– Не трогай его! – умоляющим голосом попросила жена. – Хватит!

– А он бы тебя пожалел? – поднял на нее взгляд Антон. – Не трону, сколько еще людей он порешит? Думаешь, после всего они бы тебя оставили в живых? Иди лучше полицию вызови.

Дождавшись, когда жена выйдет, он перевернул громилу на спину и пошлепал по щекам.

– И-ии! – Морщась и еще ничего не понимая, бандит подтянул ноги к животу и перевернулся на бок.

Антон оторвал его правую руку от причинного места, зафиксировал кисть и резким движением подарил ортопедам уникального пациента. Громила хмыкнул и затих. Как Антон мощными ударами ног превращал его в мешок с костями, он уже не чувствовал.

Ольга проснулась, словно от толчка, и какое-то время не могла понять, где находится. Неожиданно показалось, что все произошедшее с ней за последние полгода – всего лишь страшный сон и сейчас этот кошмар пройдет. Раздался щелчок, и прерывистый писк электронного будильника прекратился.

– Вставай, подруга, – окончательно вернула ее в реальный мир Зоя. Смуглолицая, больше похожая на цыганку, нежели на русскую, девушка вскочила с кровати и направилась в душ.

Ольга села и посмотрела на окно. Небо наливалось розовым свечением. Было лишь шесть утра.

Почти полгода она поднималась в одно и то же время, но так и не смогла привыкнуть. На душе снова стало тоскливо. Ольга потянулась и встала. Из ванной доносился шум воды.

– Зачем мыться перед зарядкой? – подумала Ольга вслух, натянула футболку и взяла со спинки стула спортивные штаны.

Она была уже полностью одета, когда в комнату, разбрызгивая по сторонам воду, вбежала Зойка и, увидев одетую девушку, удивилась:

– Ты чего, мыться не будешь?

– Совсем забыла! – ударила себя по лбу ладошкой Ольга.

Майор Бебури Гагуа, их куратор, еще накануне предупредил, что сегодня не надо начинать день с привычной пробежки и зарядки. Нужно всего лишь навести в доме порядок и подготовиться к собеседованию. Кто с ними собирается говорить, о чем и с какой целью, он уточнять не стал.

Ольга и Зоя с июля жили и учились разным премудростям в этом огромном коттедже, построенном на берегу живописной реки недалеко от Хихатзири, селения, расположенного всего в нескольких километрах от границы с Турцией. Сотни гектаров окружавшего его леса, среди которого были стрельбище, небольшой автодром, тактическое поле и теннисный корт, считались секретным объектом Департамента военной разведки J-2 Генерального штаба вооруженных сил Грузии. Это Ольга узнала случайно, подслушав, сидя в беседке, разговор двух переодетых в гражданскую одежду солдат, которые занимались охраной резиденции. Куратор ничего им подобного не говорил. Просто они знали, что выполнение всех предъявляемых им требований будет гарантией освобождения от уголовного преследования за совершенные деяния. Причем Бебури недвусмысленно намекнул, что в случае неповиновения или отказа сотрудничать с ним пострадают и родственники. Ольга до сих пор не могла понять, что явилось причиной ее появления в этих стенах – злой рок, случайность или умелая работа грузинских спецслужб. Так или иначе, но она была вынуждена работать на Бебури – впрочем, как и ее подруга Зоя.

Ольга была красива. Но синие глаза, тонкие черты лица и золотистые, коротко, по-мальчишески стриженные волосы лишь добавляли проблем. Любвеобильные грузины не давали ей прохода.

Несмотря на то что среди родственников у Ольги не было кавказцев, своей родиной она считала Грузию, вернее, Поти, куда в свое время приехал работать таможенником по распределению из Воронежа отец. Там он познакомился с ее мамой, которая отдыхала в расположенном на побережье санатории. Потом родилась она, Ольга. Через несколько лет отец получил повышение, и семья переехала в Тбилиси. Она еще помнила красивую квартиру на проспекте Руставели с высокими сводчатыми потолками и отца в форме. Потом появились странные и непонятные слова – «перестройка», «гласность». Ольга пошла в школу. Отчего-то этот период

вспоминался в основном в серых тонах, даже первая линейка. Из рациона стали пропадать элементарные продукты. Сначала шоколадные конфеты, следом исчезли мясо и колбаса. В конце концов отца уволили. Промучившись в поисках работы, он продал машину, потом квартиру, и семья перебралась в менее комфортные условия, на окраину города, в двухэтажный дом с глухим двориком. Если смотреть сверху, строение имело форму буквы «П». Весь второй этаж соединялся одним общим балконом. Построенное еще до революции здание было в крупных трещинах, а в сильные дожди протекала крыша. Но жили дружно. Дом населяли в большинстве грузины, и только на первом этаже проживала армянская семья.

Два подряд инсульта у отца сделали невозможным выезд в Россию, где у них были родственники. К тому же, как выяснилось из переписки, особо их на исторической родине никто не ждал. Ольгу тогда поразило отношение родного брата матери, который советовал в каждом письме оставаться и терпеть. Жаловался, что сам с трудом сводит концы с концами, что в России сейчас тоже не сахар. У грузин все по-другому, они не бросали родственников в беде.

Отец умер. Ольга к тому времени блестяще закончила школу, однако дальше все двери перед ней оказались закрыты. Нет, напрямую в лицо никто не говорил, что она русская и в этом вся причина. Просто в большинство учебных заведений периода Шеварднадзе нельзя было поступить без взятки. Она пошла работать – сначала продавцом, потом швеей. Не брезговала ничем. Мать, по профессии медсестра, устроилась в одну из больниц санитаркой. Пережили все потрясения и уже научились даже думать по-грузински. Как-то приспособились без отца, да и соседи попались хорошие.

Все началось в начале лета. В их дом въехала грузинская семья из Южной Осетии по фамилии Чачба, преклонного возраста муж с женой и их сын. Поговаривали, что у них было много детей, но они участвовали во всех войнах с Абхазией и Осетией, где и сложили свои головы. Приезжие держались обособленно и не походили на грузин. Постепенно Ольга узнала, что сына зовут Вола. Среднего роста, с рябым лицом и огромным, с горбинкой носом молодой мужчина вскоре поступил на военную службу. Но дома появлялся часто, почти каждый день и всегда с друзьями, такими же, как и он, солдатами. Они пили за установленным во дворе столом вино и играли в карты. Его неприятный голос раздражал Ольгу. В один из дней, когда она развешивала белье, Вола подкрался сзади, грубо схватил за талию и зашептал на ухо непристойности на плохом русском. Ольга ответила ему на грузинском, что он плохо кончит, если не прекратит приставать, развернулась и залепила пощечину. Улыбаясь и бросая по сторонам затравленный взгляд, Вола ушел.

Но на следующий день история повторилась. Когда она шла с работы, он пристал к ней на улице. Догнав на перекрестке и не переставая озираясь по сторонам, обвинил ее в завышенном самомнении, сказал, что все русские женщины от природы проститутки, и заверил, что не пройдет и двух дней, как Ольга будет его. Она не решилась рассказывать об этом матери, которая и так практически не переставала болеть после смерти отца. Два дня Ольга выходила из квартиры лишь тогда, когда во дворе появлялся кто-то из соседей, и с трепетом возвращалась обратно. Однако обещанный Волой срок истек, прошла уже неделя, но он словно не замечал ее, и Ольга успокоилась, решив, что все произошедшее всего лишь грубая и неуклюжая шутка провинциала.

В один из теплых летних вечеров Ольга задержалась с подружками в кафе. Возвращалась уже в темноте. Их часть города практически не освещалась, но она была спокойна. Несмотря на бедность, Тбилиси – спокойный город, а уровень преступности в нем даже ниже европейского. Последние три года люди не закрывали брошенные во дворах машины, автолюбители забыли, что такое угон. Как шутил их сосед Шота Чонишвили, все разбойники уехали в Россию. На самом деле причина в глубоком реформировании полиции. С одной стороны, режим Саакашвили заботился о себе, создавая принципиально новую структуру, состоящую из преданных людей; с другой – это отразилось на жизни простых граждан. Как говорится, нет худа без добра.

Ольга прошла пешком несколько кварталов и повернула на свою улицу, когда нос к носу столкнулась с Володи.

– Здравствуй, Ольга! – приветствовал ее мужчина. – Не страшно одной ходить?

– Нет. – Она попыталась проскользнуть мимо, однако он ухватил ее за локоть.

– Почему ты ломаешься? Цену себе набиваешь?

– Пусти, я сейчас закричу! – уверенная, что ее слова напугают хама, припугнула она.

В следующий момент он притянул ее к себе и впился в губы.

Она уперлась ему в плечи кулачками и, с трудом отвернувшись, закричала. Неожиданно улицу словно осветила далекая молния, только отчего-то в ее свете Ольга не увидела домов и деревьев. Потом наступила странная тишина, и она растворилась в непроглядной темноте. Когда Ольга открыла глаза, то с удивлением обнаружила, что лежит на полу какой-то незнакомой комнаты среди битой посуды. В руках небольшой топор для разделки мяса...

Ничего не понимая, она села. Платье на груди противно прилипло к телу. В голове стоял гул, словно в ней поселился пчелиный рой. Пол качался, будто палуба корабля, и от этого сразу стало тошнить. С неимоверными усилиями она повернула голову вправо и обомлела. В двух шагах от нее, в огромной луже крови, лежал Вола. Поперек лба – страшная рубленая рана.

Не сводя с него взгляда, Ольга стала ползти прочь, пока не уперлась спиной в кровать. Почувствовав, что коснулась шеей чьей-то руки, обернулась. Крик застрял в горле, а все вокруг снова стало погружаться в какую-то вязкую и липкую черноту. На кровати лежал человек. Невозможно было сразу понять, кто это – мужчина или женщина. Залитое кровью с застывшей маской предсмертной агонии лицо навсегда врезалось в ее память.

Она вскочила и бросилась к дверям, однако поскользнулась в луже крови и упала, больно ударившись о пол затылком.

В тот же миг что-то стукнуло, и послышались голоса:

– Здесь так кричали! Муж сказал, беги, звони в полицию, – торопливо говорила какая-то женщина.

– Не волнуйтесь, сейчас разберемся, – отвечал ей мужчина.

Дальше все происходило как в тумане. Комнату заполнили полицейские и люди в штатском. На запястьях Ольги защелкнулись наручники. Потом девушку усадили за стол, дали выпить воды, но от первого же глотка ее вырвало.

Пока полицейский задавал вопросы, она, механически отвечая, не сводила взгляда с трупа Володи, которого осматривал мужчина в резиновых перчатках. Вскоре мимо пронесли на носилках закрытое простыней тело.

– Значит, вы не помните, как оказались в доме? – в который раз спросил полицейский.

– Я же говорю, он меня ударил, – будто издали услышала она собственный голос.

– Вы настаиваете, что убили Волю Чачба и его бабушку в состоянии аффекта?

– Какую бабушку? – вновь услышала она свой голос. В нем были удивление и испуг.

Потом Ольгу отвезли в участок. Лишь в машине она поняла, что все платье на груди у нее в крови. Этот запах вызвал очередной приступ тошноты.

По версии следствия, Вола Чачба вышел со двора дома, где жила его парализованная бабушка, и случайно встретил свою соседку Ольгу Громову. Ввиду тяжелого материального положения молодая женщина предложила ему интимные услуги за деньги. Он согласился и пригласил ее в дом к родственнице. По пути Вола рассказал, что получил накануне зарплату. У Громовой сразу возник план. Оказавшись в квартире, она завладела топориком и нанесла смертельный удар Воле по голове. Потом добила парализованную бабушку. Однако на крик отреагировали соседи. Находящийся поблизости экипаж патрульной машины застал Громову на месте преступления.

Ольга пыталась возразить, ведь она четко помнила, что вместе с полицией сразу появился патологоанатом и сотрудники прокуратуры. Ей ответили, что следственная бригада якобы тоже случайно оказалась рядом.

Ольге «светил» огромный срок. Было даже страшно подумать, что ее ждало впереди. Однако вскоре на очередной допрос вместо следователя пришел какой-то грузин невысокого роста, с широким лицом. Он сказал, что его зовут Бебури Гагуа, и заявил, что у него есть доказательства о непричастности Ольги к убийству. Камера наружного наблюдения, установленная на перекрестке, зафиксировала, как Вола бил ее по голове, а потом на руках внес во двор дома. Спустя некоторое время в поле зрения этой же камеры попали двое убегающих мужчин. Это подтверждает ее показания, что в дом к родственнице Вола она пошла не по своей воле, и косвенно указывает на ее непричастность к убийству. Согласно его версии, после того, как Вола вышел из дома своей родственницы, туда заявились грабители, все это время находившиеся во дворе. Они не рассчитывали, что внук парализованной бабки вернется. Убив его и старуху, грабители вложили топор в руки оглушенной еще на улице Волой девушки.

Но радость Ольги была преждевременной. Бебури выдвинул условие, что взамен его услуги она подпишет контракт на сотрудничество с военной разведкой. В случае, если в последующем Ольга попытается обмануть в его лице правительство страны, она снова окажется в том положении, из которого ее вытащат. Более того, это отразится на ее матери.

– Чего задумалась, подруга? – отвлекла Ольгу от размышлений Зоя. – Пойдем завтрак готовить. Ты не забыла, что у нас сегодня встреча?

* * *

Мелкий дождь, шедший весь день, после захода солнца прекратился. Однако легче от этого не стало. С деревьев по-прежнему слетали крупные дождевые капли, их стук о землю, покрытую опавшей листвой, заполнял тишину леса.

Осторожно ступая, почти без звуков отряд Хаважа Албагачиева спускался по едва заметной тропе. Идти по склону было тяжело. Ноги скользили, в любой момент можно было налететь лицом на ветку.

Шедший впереди Джамбек Эльнуразов замедлил шаги. Хаваж понял, в чем причина задержки. Они уже почти вышли к кромке леса, и впереди, в просветах между деревьями, стали различимы редкие огни селения. Он разглядел худошавую фигуру Анзора Чараева. Совсем еще мальчишка, выполняя функции головного дозора, шел впереди один и без оружия. В случае чего подросток должен был сказать, что искал корову. В сумерках бандиты могли постоянно видеть его или услышать голос. В такое время в лесу никто не ходит. Но если в отряде или среди родственников кого-то из моджахедов завелся предатель, то вполне возможна засада. Половина людей Хаважа часто бывает дома. Что стоит кому-то из них подбросить в рюкзак маячок или просто уговорить работать на продажных ментов и русских кафилов взамен на амнистию? Сколько раз на военных советах Маджлисуль шура Хаваж поднимал вопрос, чтобы привезли оборудование, которое позволяет находить эти разные «жучки», маяки и скрытые камеры. Над ним просто смеялись. Зачем они в лесу? Но кто гарантирует сейчас, что идущий в одной колонне с боевиками грузин, которого Хаважу представили Нугзаром Табагари, не двойной агент? Он принял решение в случае неудачи плюнуть на все и прикончить его, а эмиру сказать, будто тот погиб от случайной пули. И не только потому, что сомневался в нем. Хаваж попросту ненавидел эту нацию, впрочем, не жаловал и все остальные, жившие на Кавказе. Но ингуши и дагестанцы, аварцы и адыги хотя бы близки по крови. А что грузины? В глубине души он понимал, такое мнение у него сложилось после прихода к власти Саакашвили. Хаваж пристально следил за ходом войны в Осетии, не отходил от телевизора несколько дней. Видел, как руководитель страны бежит, потеряв разум, от мифического русского самолета, жует галстук...

В этом отношении даже заклятый враг Хаважа Кадыров – мужчина. Он никогда не предстанет в таком виде перед людьми. Другое дело, кто какие взгляды исповедует. Аллах всем судья.

Боевики встали. От поля их отделяли заросли кустарника высотой чуть ниже человеческого роста.

– Пришли, – констатировал Хаваж, собираясь с мыслями.

– Это и есть Рошни-Чу? – зачем-то спросил грузин.

Его вопрос разозлил Хаважа. Он развернулся к Нугзару всем телом:

– Разве я похож на одного из пророков неверных, Моисея, который сорок лет водил бедных людей по пустыне?

– Не надо трогать религии, – спокойно ответил Нугзар. – Видишь, я христианин, но воюю против русских. Нас объединяет Кавказ.

– Заходим в село и двигаемся с двух сторон дороги. Дома, которые нам нужны, стоят по соседству и находятся почти в центре улицы, – стал давать последние наставления Хаваж. – Все знают свою задачу. Быстро делаем дело и уходим. Мирных людей не трогать. Возвращаемся сюда, потом идем к машинам. Всем все ясно?

Моджахеды ответили негромким лязгом оружия и щелчками снятых с предохранителей пистолетов. Все в последний раз проверяли снаряжение. Стоящий рядом с грузином Джамбек Эльнуразов торопливо перевел на русский слова Хаважа.

– Вперед! – скомандовал командир. – Джамбек, не спускай глаз с нашего гостя. Головой за него отвечаешь.

Коренастый бородач с черной родинкой у широкого носа взял за локоть грузина:

– Держись меня. Наша – левая сторона улицы. Мы прикрываем Хаважа.

Грузин сунул руку за отворот куртки, вынул пистолет, растерянно повертел им:

– Наверное, я вас мог бы здесь подождать?

– А если что-то пойдет не так и мы будем вынуждены вернуться другим путем, что тогда? – вновь вскипел Хаваж. – Нам могут отрезать пути отхода. Кто знает, может, ты вовсе никакой не сотрудник грузинской разведки, а провокатор из Москвы?

– Я не говорил, что работаю в разведке, – промямлил грузин. – Я член неправительственной организации...

– Хватит сказки рассказывать, – ударил его по плечу Шовхал. Вооруженный гранатометом и выше всех ростом, он выглядел зловеще.

Грузин появился в отряде три дня назад, вместе с эмиссаром от Доку Умарова Амирбеком, который сказал, что этот человек приехал в республику по заданию одной частной компании. Якобы она хочет финансировать деятельность сопротивления, а задача грузина – изучить целесообразность помощи, примерно определить ее размеры, уточнить, по каким каналам удобнее это делать и в какой форме. Но главное – изучить положение дел в республике изнутри, увидеть ее глазами чеченцев.

За этот короткий срок Нугзар Табагари успел повеселить моджахедов расстройством желудка, выразившимся в том, что первые сутки он просидел в кустах недалеко от укрытия, в котором они коротали время, потом простыл и пару дней вообще не мог говорить.

Накануне Хаваж поставил его в известность о своем решении провести в одном из селений акцию устрашения. Планировалось убить семью главы поселковой администрации и жившего по соседству с ним полицейского. Вчера ночью в Рошни-Чу побывал Геберт Насуханов с целью навестить престарелых родителей, заодно он изучил обстановку. Никаких блокпостов или отрядов кадыровцев на данный момент там не было. После всего Хаваж собирался сменить место дислокации. Грузин не очень обрадовался известию, что ему придется участвовать в операции. Он, насколько понял Хаваж, рассчитывал свою работу построить по-другому, даже обучил пользоваться видеокамерой Анзора Чараева. Тот, в свою очередь, должен был снимать

на видео все подвиги боевиков. Так, не выходя из теплого схрона, Нугзар намеревался делать свой анализ.

За размышлениями Хаваж не заметил, как дошли до крайних домов. Словно почувствовав недоброе, где-то на другом конце селения завывла собака.

– Наверное, кто-то умер, – прошептал шедший следом Усман Хакизов.

– Или умрет, – хмыкнул Насуханов.

– Тихо! – нахмурился Хаваж. – Почему разговорились, как женщины?

Дальше шли молча. Улица была освещена только в центре. Несколько фонарей были установлены на столбах перед магазином, зданием администрации и фельдшерским пунктом. Остальная часть села, погруженная в темноту, уже спала. Лишь в редких дворах горел свет.

– Значит, вы открыли двери и в тот же момент почувствовали сильный толчок в спину? – пробежав взглядом по строчкам протокола, следователь поднял взгляд на Регину. Потом посмотрел на сидевшего в кресле Антона: – А вы были в это время в спальне. Все ясно. Повезло.

– Кому? – нахмурился Антон.

– Вам. – Следователь протянул Регине авторучку. – Допишите снизу: «С моих слов записано верно, замечаний и дополнений не имею».

– Скорее им повезло. – Антон встал, прошел из угла в угол комнаты, размышляя, как выйти из создавшегося положения. Времени на участие в следственных действиях и на суды у него не было. Да и не приветствовались такие вещи руководством.

– Не говорите так, – наблюдая за тем, как Регина подписывает протокол, покачал головой полицейский. – Тонус, он же Тонукаев Иван Егорович, и Печень, настоящая фамилия которого Печенкин, в розыске второй год. Эта парочка специализировалась на квартирных кражах, причем случайно оказавшихся в доме хозяев они убивали.

– И сколько на их счету людей? – Регина подвинула протокол к полицейскому и положила на него авторучку.

– Подозреваются в двух убийствах, – укладывая листок в папку, ответил следователь, намереваясь встать. Однако рука Антона, оказавшаяся в этот момент на его плече, не дала этого сделать.

– Не спеши.

– Что-то еще? – полицейский покосился на руку.

– Давай переиграем. – Антон вернулся на диван. – Нужно сделать так, чтобы я никаким боком не оказался в числе свидетелей.

– Это как? – удивленно захлопал глазами следователь.

– Испугался? – хмыкнул стоявший в дверях полицейский в форме капитана, наверняка решивший, что это реакция Антона на рассказ об убийствах.

Антон окатил его таким взглядом, что тот потупился.

– Действительно, Серега, думай, что говоришь, – осуждающе проговорил следователь. – Он их так отделал, что, судя по всему, ничего не боится.

– Скажем так, у меня будут неприятности на работе, – пояснил Антон.

– Раз это связано с работой, мы оформим...

– Я сам могу вам что угодно оформить, – улыбнулся Антон. – Давайте поступим следующим образом: вы знали о готовящемся нападении и устроили у меня в квартире засаду. Эти два охламона точно не помнят, кто и как их калечил, потому что оба хорошо приложились головой.

– Да уж, – поежился полицейский, по-видимому, вспомнив, как с трудом пришедший в себя Тонус стал тянуть руки к врачу «Скорой» и звать маму.

– Ну, так как? – Антон выжидающе уставился на следователя; он был уверен, что полиция не откажется.

– Предложение, конечно, заманчивое... – стал крутить в руках папку следователь.

– Так у вас будет покруче «палка», – пытался заинтриговать их Антон. – Целую операцию провели. Ведь, по сути, они на меня случайно напались.

– Что верно, то верно, – кивнул следователь. – И все же с чем связано ваше нежелание помочь нам засадить этих недоносков за решетку? Даже если Печенкин не выживет, превышения мер необходимой обороны у вас не будет. Они вооружены и холодным, и огнестрельным оружием. – Он заглянул в протокол и вслух произнес фиктивную должность Антона: – Подполковник, начальник штаба войсковой части пятьдесят пять двести восемь. Странно. Может, вы представились мне по липовым документам, а сами криминальный авторитет, чудесным образом не попавший в наше поле зрения? Так тогда и Печень с Тонусом наверняка не грабить приходили.

– Работа такая, – повеселел Антон, выслушав предположение следователя. – Давайте я приглашу сюда одного из своих товарищей, и он вам все объяснит.

– Нет, – решительно поднялся со своего места следователь. – Не надо.

Но Антон уже набирал на сотовом номер Гусева.

Старший лейтенант военной контрразведки осуществлял межведомственное взаимодействие между силовыми министерствами, обмен информацией и, в случае необходимости, обеспечивал оперативное прикрытие бойцов спецназа в рамках программы «Антитеррор». Были случаи, когда он непосредственно принимал участие в операциях ГРУ, впрочем, как и наоборот. Нередко офицеры Антона задействовались в мероприятиях, которые проводились ФСБ или МВД. Сейчас Антон оказался в ситуации, которую легче разрешить как раз ему.

– Слушаю, Гусев.

– Сколько времени тебе надо, чтобы материализоваться у меня дома, если прямо сейчас все бросишь и выедешь? – с ходу поинтересовался Антон.

– А ты спроси сначала, чем я занимаюсь, – устало вздохнул контрразведчик.

– Даже и не подумаю. – Антон вытянул в направлении собравшегося уходить следователя руку и сделал знак, чтобы тот задержался. – У меня ЧП. Приезжай.

– Через полчаса...

– Понял, жду. – Антон отключился и попросил Регину: – Сделай нам кофе. И вообще, – спохватился он, – я, например, с этими бандитами так и не позавтракал, а вы?

Полицейские переглянулись.

– Ладно, отправляй всех в отдел, – приказал следователь капитану. – Пусть там подождут, мы позже подъедем. Отсюда на метро две остановки.

– Я вас подвезу, – пообещал Антон.

Как он и думал, вопрос был решен очень быстро. Гусеву легко удалось убедить следователя не упоминать Антона ни в каких материалах. Дома находилась лишь его жена и трое оперативных сотрудников группы захвата. Полиция же получила информацию о планируемом нападении на квартиру Филипповых из агентурных источников. Для этих целей Регина отпросилась с работы. Зная способ, которым пользуются злоумышленники для проникновения в квартиру, разыграли спектакль с мусорным ведром.

– Правильно Линева говорил: вы как магниты притягиваете неприятности, – дождавшись, когда Антон проводит сотрудников полиции и вернется за стол, проворчал Гусев.

– Что, Данила так и сказал? – с сожалением вздохнул Антон.

Майора убили весной во дворе собственного дома. Именно на его место пришел Гусев. Коренастый, русоволосый молодой мужчина напоминал Антону Линева не только внешне, но и манерами поведения, способами и методами работы. Немудрено, длительное время Линева был наставником этого офицера.

– Не сказал, а говорил. – Гусев забросил в рот печенье и отпил из чашки кофе. – То твои «абреки» скинхедов мочат, то вы с Дроном на вокзале «бомбил» гоняете... Беда с вами.

– Согласись, кто-то этим тоже должен заниматься, – на полном серьезе ответил Антон. – И нам польза – форму не теряем, и городу легче. Понимает эта мразь, что не все может с рук сойти... Ты где был, когда я позвонил?

– План основных мероприятий на ноябрь с шефом готовил, – помрачнел Гусев. – Чувствую, в декабре нам тоже продыху не будет.

– Не каркай, – предостерег Антон.

– Грузины активно включились в работу по срыву Олимпиады в Сочи. К тому же сам знаешь, у Саакашвили на носу перевыборы. За власть цепляется всеми силами. Метит на пост премьера. Уже на законодательном уровне принято решение до предела расширить полномочия этой фигуры. Знает, что в случае провала может угодить на скамью подсудимых.

– Не понимаю, почему не дали команду его дожать? – покачал головой Антон. – Наши миротворцы там погибли. Столько мирных граждан! Потом бы судили, как в Нюрнберге фашистскую мразь.

– Да американцы в этом плане нас обошли, – кивнул Гусев. – Милошевич со своим окружением, Саддам Хусейн...

– Хочется верить, что и этот негодяй за все ответит. – Антон отстранился от стола, давая Регине возможность убрать чашки.

* * *

Ольга с Зоей сидели в гостиной, когда вошел Бебури. Они встали. Таков порядок. Следом в дверях появился худощавый мужчина в очках. Клетчатая рубашка, шерстяной джемпер, узкие брюки и портфель делали его похожим на одного из школьных учителей Ольги. Единственный русский педагог перед самым окончанием десятого класса уехал в Россию.

– Здравствуйте, – поприветствовал девушек Бебури, придиричиво оглядел комнату, прошел и встал рядом с креслом напротив дивана. – В ближайшее время вам предстоит показать, чему вы научились, – торжественно объявил он и перевел взгляд на очкарика. – Это наш гость из...

– Я сам, – заговорил на русском мужчина, медленно направляясь к креслу. – Мое имя Кларк. Я занимаюсь людьми, чья работа не видна, но от которой зависит благополучие этой страны.

Девушки непроизвольно переглянулись. Неужели он имеет в виду их?

– Вам предстоит показать, как вы усвоили то, чему на протяжении всего этого времени вас обучали. – Говоря это, Кларк многозначительно посмотрел на Бебури и сел. Стало ясно: грузин по-своему будет держать экзамен, и, по всей видимости, от того, как его подопечные пройдут испытание, зависит его дальнейшее благополучие.

– Как вы стреляете, водите машину и можете уложить на лопатки мужчину, я уже знаю, – уже сидя продолжал Кларк. – Видел записи. Но это не главное в вашей дальнейшей работе. Основное, – он постучал пальцем по виску, – интеллект. Сейчас вы вернетесь в Тбилиси. Ваша задача максимально близка к реальной. Каждой из вас будет предложено войти в контакт с человеком, фотографию которого я сейчас покажу, и симитировать его отравление. Заранее предупреждаю, эти люди ничего не знают о проверке и не подозревают о вашем существовании. Более того, для максимального усиления эффективности нашего экзамена в вашем распоряжении будут препараты, которые на самом деле изменят состояние этих людей.

– В смысле? – осторожно спросила Ольга и вопросительно посмотрела на Бебури.

Однако грузин строго нахмурил брови, и она не стала больше задавать вопросов.

Тем временем Кларк открыл свой портфель, вынул оттуда небольшую папку и протянул Бебури.

Грузин прошел к девушкам, протянул им фотографии и встал рядом.

– На снимке под номером «один» человек, которого зовут Леван Григалашвили. На втором – Ирма Габелия, – внимательно следя за реакцией девушек, стал вводить в курс дела Кларк.

– Женщина? – удивилась Зоя, в руках которой оказалось фото красивой грузинки с длинными черными волосами.

Ольга оторвала взгляд от изображения круглолицего мужчины с двойным подбородком и заглянула подруге через плечо. Ее словно ударило током. Она знала эту женщину. Нет, не лично. Просто год назад, во время демонстрации протеста, случайно проходила мимо площади Роз и невольно замедлила шаг, когда она выступала, стоя на ступеньках здания. Это была представитель оппозиции.

– Что вас смущает? – насторожился Кларк.

– Ничего. – Ольга поняла, что яды наверняка будут настоящими. Просто таким образом их хотят использовать для устранения неугодных нынешней власти людей. Но тогда что будет после всего с ними? И Ольга решила пойти ва-банк. Она вернула фотографию Бебури и перевела взгляд на Кларка, уже догадавшись, что он главный во всем этом деле:

– Ничего сложного я не вижу, но есть одна просьба.

– Какая? – нахмурился Кларк.

– С самого начала быть с нами откровенными, – ответила она, одновременно почувствовав, как напрягся грузин.

– Постараюсь. – Кларк заволновался, поправил пальцем на переносице очки.

– Вы ведь решили нашими руками ликвидировать врагов Грузии? – В ожидании ответа Ольга не мигая уставилась на Кларка.

– Почему вы делаете такой вывод? – В его глазах появился неподдельный интерес и даже восторг от такой постановки вопроса. Значит, не прошли даром занятия, больше похожие на зомбирование, по внутренней и внешней политике Грузии.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Но ни у меня, ни у Зои нет выбора, и поэтому я не вижу смысла, чтобы вы использовали нас втемную.

– Думайте, как хотите, но мне симпатизирует ваше отношение к этим людям, – Кларк встал, подошел к Бебури, забрал у него снимки и бросил их в портфель. – Препарат начнет действовать и вызовет реакцию, по которой мы определим, как вы справились с заданием, только через два-три часа. Может, больше. Этого времени будет достаточно, чтобы расстаться с этим человеком. Всю дополнительную информацию вы получите от майора Гагуа.

Вечером девушки были уже в Тбилиси, куда их привез на обычных «Жигулях» Бебури. По иронии судьбы, остановив машину всего в квартале от дома Ольги, он назвал адреса квартир, в которых они должны будут поселиться, и вручил ключи. С его слов, в обеих был запас продуктов и телефон. К тому же каждая перед выездом получила по тысяче лари. По местным меркам, огромные деньги.

Выйдя из машины и едва справляясь с желанием посмотреть в сторону ставшего ей родным дома, Ольга пошла по тротуару. Нет, Бебури не запрещал зайти проведать мать, вопрос об этом даже не поднимался. Ольга регулярно звонила домой. Выполняя инструкцию Бебури, она врала, будто ее выпустили, но на время предложили покинуть город и она живет недалеко от Гори. Мать поверила, что дочь оправдали, а необходимость дожидаться окончания следствия за пределами Тбилиси вызвана опасением за ее безопасность до поимки настоящих преступников. Для усиления эффекта Ольгу заставляли врать, будто бы она боится, что родственники Чачбы могут решиться на кровную месть. Это, конечно, была полная чушь, но мама верила.

Квартира, адрес которой назвал Бебури, располагалась в пятиэтажном доме на улице Нуцубидзе. Это тоже была почти окраина города, куда Ольга добралась на автобусах с двумя пересадками. Но проблем с транспортом в городе не было. Яркие-желтые украинские «Богданы» ходили с небольшим интервалом, и уже через полчаса она осматривала свое новое жилище. Бебури слегка лукавил, когда сказал, что в доме есть все необходимое. В стареньком холо-

дильнике она нашла несколько пучков зелени, лук и помидоры. На полках стояли приправы и банка пшенной крупы.

Осмотрев кухню, Ольга отправилась в зал. Небольшой журнальный столик, старый диван, два кресла и телевизор. На стене и на полу ковры.

Она открыла шкаф. Здесь на полках аккуратно стопками лежало белье. Во втором отделении болтались пустые плечики.

Усевшись на диван, Ольга задумалась. Положение, в котором она оказалась, было незавидным. Со слов Бебури, человек, к которому ей предстояло войти в доверие, был небеден, имел большие связи. Звали его Леван Григалашвили. Она пыталась вспомнить, где слышала это имя, но не смогла. Однако была точно уверена, что знает его. Просто Ольга особо не интересовалась ни политикой, ни бизнесом. Для этого не было времени. Жил Леван на проспекте Рабакидзе, почти у самой Куры, однако большую часть времени проводил в доставшемся от отца доме, расположенном недалеко от серных бань. Был женат, имел двух взрослых дочерей и сына, который учился в Лондоне.

Еще немного посидев, Ольга встала. Для начала она решила обновить гардероб и купить что-нибудь к ужину.

Глава 2

В учебном центре Генерального штаба был пятнадцатиминутный перерыв между парами. Время отводилось для смены подразделениями мест занятий. Группы перемещались из классов в тир, бассейны, на тактические поля и обратно. В молочной взвеси густого тумана по обе стороны асфальтированных дорожек лишь угадывались контуры вековых сосен. В нескольких шагах нельзя было различить деталей лица. Размытые пятна света установленных вдоль бордюров фонарей могли служить разве что ориентирами на перекрестках, а присутствие людей выдавал только топот шагов да редкие команды.

Антон быстро натянул на себя майку, накинул сверху куртку и толкнул дверь комнаты общежития. В коридоре уже стоял Туман. Держа руки в замок на уровне груди, он вращал головой, разминая шею. Из комнаты напротив выскочил Джин. Среднего роста, со сросшимися на переносице бровями и квадратным подбородком чеченец был старше своих двоих земляков, Шамиля Батаева, по кличке Шаман, и недавно прибывшего вместо погибшего Лече Истропилова лейтенанта Гайрбека Куциева, с легкой руки сослуживцев получившего поначалу кличку, ставшую потом позывным, – Куций. Невысокий, с глубоко посаженными глазами и слегка искривленной переносицей горец воспринял в штыки какие-либо прозвища, но ему быстро объяснили, что в спецназе так принято. И все же Антон, которого коробило от прозвища, отдававшего уголовщиной и чем-то ущербным, лично сменил его позывной. Взяв за производную имя, Гайрбека заменил на Габбро, так называется изверженная горная порода. В принципе жизнь Гайрбека чем-то напоминала лаву, которая долго кипела глубоко в недрах земли, а потом, вырвавшись на поверхность, застыла и превратилась в камень.

– Подожди! – Прыгая на одной ноге, майор Дорофеев, которого все называли просто Дрон, все еще не мог натянуть кроссовку.

Антон дважды хлопнул в ладоши:

– Группа, построение внизу через две минуты!

Вскоре колонной по два, легким бегом группа направилась в зал рукопашного боя.

Инструктор уже стоял в центре просторного помещения, треть которого занимал борцовский ковер. Сверху свисали обмотанные веревками бревна – макивары и боксерские мешки.

– В колонну по одному, бегом марш! – скомандовал инструктор.

Группа побежала по кругу. Добегая до ковра, делали шесть кувырков вперед, вставали и бежали дальше.

– Руки на пояс, приставными шагами, правое плечо вперед, марш! – дал следующую команду инструктор.

Бегали на этот раз недолго, около десяти минут. Бег спиной вперед сменился ходьбой на полусогнутых ногах. После этого все десять офицеров, проходя мимо специальной подставки, разобрали ножи и легли в один ряд вдоль стены, на которой были закреплены подушки и планшеты для отработки прямых ударов руками.

Следующее упражнение было неотъемлемой частью подготовки к любой тренировке по рукопашному бою. Из положения «лежа на спине» нужно сесть и ударить кулаком левой руки воображаемого противника. Это позволяло развернуть корпус для качественной работы холодным оружием, тут же полоснуть по невидимой шее или лицу, нанести удар ножом сбоку-сверху, снова лечь, и так сто раз.

Гайрбек Куциев еще отставал. Инструктор давал ему возможность адаптироваться, плавно выйти на положенные нагрузки. Так было не только на занятиях по рукопашному бою, но и на тренировках по физической, горной и другим видам подготовки. Вот и сегодня все сделали по сто, а он с Ермаковым – по семьдесят.

– Встать! – дважды хлопнул в ладоши инструктор.

Дождавшись, когда спецназовцы выстроятся в одну шеренгу, он посмотрел сначала на Ермакова, потом на Гайрбека, словно размышляя, кому из них задать вопрос. Остановился на чеченце:

– Лейтенант Куциев, как вы считаете, эффективен ли нож, если противник вооружен пистолетом и расстояние между вами от трех до пяти метров?

Офицер задумался, заподозрив подвох. Так хотелось бывшему милиционеру сказать, что идти ножом против пистолета – затея бессмысленная, но он передумал и ответил:

– Нож эффективнее.

– В умелых руках, – довольный ответом, поднял вверх палец инструктор. – Сейчас всем снять куртки!

Пока спецназовцы выполняли приказ, инструктор взял макет ножа. Он оставлял на теле черный след, а при уколе пластиковое лезвие уходило в рукоять и не сильно травмировало кожу.

– Родимов, – раздался чей-то шепот.

Антон поднял голову. Генерал стоял в коридоре. Невысокого роста, со слегка заостренным носом и абсолютно седой головой, генерал-лейтенант с задумчивым видом наблюдал за ходом занятий. На нем была обычная камуфлированная форма без знаков различия и кепка.

– Группа, становись! – снова хлопнул в ладоши инструктор. – В две шеренги разобратся!

– Смирно! – скомандовал Антон, первый увидевший, как Родимов направляется к строю.

– Отставить, вольно! – отмахнулся Родимов. Он на ходу снял куртку, всучил ее инструктору и обвел строй оценивающим взглядом. Остановив его на Дроне, протянул руку:

– Дай сюда.

Дрон вышел из строя и вложил ему в ладонь макет ножа.

Генерал показал пальцем на Тумана:

– Второй номер.

Туманов прошел к столу, накинул разгрузочный жилет со всунутым в карман пистолетом и ножом.

– На исходную. – Генерал покосился на строй. Было заметно, что он слегка волнуется: вдруг подведет возраст?

Туман молча подошел и встал напротив правого фланга строя. Руки опущены вдоль туловища. Сейчас, по команде, он должен начать движение навстречу Родимову. По условию упражнения, его задача – после пересечения черты на полу успеть извлечь из кармана, расположенного на левой половине разгрузочного жилета, пистолет, снять его с предохранителя и произвести выстрел в лицо или грудь генерала специальной краской.

Родимов надел защитные очки и взял в правую руку макет ножа таким образом, что лезвие было расположено вдоль предплечья опущенной вниз руки. Используя его в таком положении, человек может защищать себя от ударов палкой, прикладом и даже от металлического предмета в виде прута арматуры. С другой стороны, противник может не заметить оружия.

– Вперед! – скомандовал инструктор.

Генерал и майор устремились к своим рубежам и оказались на них почти одновременно. Два шага, и в руках Тумана появился пистолет. Щелкнул предохранитель. Рука выпрямилась в направлении лица генерала. Тот сделал шаг влево, уходя с линии огня, одновременно плоской стороной ножа ударил по запястью Тумана. Рука с пистолетом отлетела немного в сторону. В следующий момент, едва уловимым движением, Родимов оставил полосу на внутренней стороне запястья. Еще шаг, и у Тумана оказались «перерезаны» вены локтевого сгиба. Майор не успел отстраниться, и у него появилась черная полоса через всю шею. За все время Родимов ни разу не включил в работу левую руку. Все сделал одной правой.

Как всегда, Дрон решил выделиться и захлопал в ладоши.

Родимов вручил нож инструктору:

– Я в принципе не стариной приходил тряхнуть, а забрать Филиппова. – Он достал носовой платок и вытер со лба пот.

– Понятно, – кивнул инструктор и посмотрел на Антона.

– Как новенькие? – оказавшись на улице, спросил генерал.

– Нормально, – застегивая куртку, пожал плечами Антон. – У Габбро с первым прыжком нелады были. Но пойдет.

– Что, испугался? – насторожился генерал.

– Нет, – покачал головой Антон. – Унесло далеко.

– Ну, это не страшно, – успокоился генерал. – Завтра у вас снова прыжки.

– Что-то зачастили, – поежился Антон. – Тем более погода сейчас не располагает...

– Это из-за новичков. – Генерал огляделся по сторонам и заговорил тише: – Как думаешь, осилят Габбро и Ермаков в следующем месяце высотные прыжки?

Антон оторопело посмотрел на генерала.

– Нет, ты не ослышался, – подтвердил генерал.

– К чему такая срочность? – Антон даже остановился. – Да еще зимой.

– Ты не ответил, – напомнил генерал.

– За плечами у Ермака полторы сотни прыжков, – стал рассуждать Антон. – Он до института занимался, потом там тренировался. Начинал с Д-6, теперь уверенно управляет с ПО-9. Результаты хорошие. Пара занятий в аэродинамической трубе, натаскать на высотах три-пять километров, и пойдет с десяти на ура. А вот с Габбро такой номер не пройдет. Сами же знаете.

– Ты меня не понял, – еще тише заговорил Родимов. – Я не спрашиваю, прокатит или нет. То, что он состоится, и не один, в этом будь уверен. Мне важно знать, какой шанс у Куцьева выжить, а потом выполнять в составе группы задачу?

– Почти никакого, – откровенно признался Антон.

– Ну что же. – Генерал заложил руки за спину и, увлекая за собой Антона, двинулся дальше. – Почти – это уже кое-что. Вот если бы ты просто сказал «никакого», – поднял он указательный палец вверх, – тогда совсем другое дело.

Антон понял, намечается работа, причем в районе, где нежелательно «светить» низко летящие цели и куда не добраться обычным транспортом или пешком. Максимальная высота, с которой прыгала группа, – семь тысяч двести метров. Для этого используются специальные высотные костюмы, герметичные маски и кислородный баллон. Даже опытный офицер, систематически занимающийся этим видом экстрима, сильно рискует. При всем при этом, как правило, еще придется планировать в заданную точку. Куциев же понятия не имел, как управлять подобными системами.

– Чего приуныл?

– Может, его в грузовом контейнере выбросить? – грустно пошутил Антон, размышляя, как быть.

* * *

– Вот этот дом, – раздался голос Геберта Насуханова.

– Чей именно? – нахмурился Хаваж, пытаясь разглядеть заросшее лицо моджахеда. – В этом селении два шакала.

– Глава здесь живет, – спохватился Геберт. – Гурно Юнусов его имя. Следующий дом Салтана, это продажный мент.

– Шовхал, – негромко окликнул бандита с гранатометом Хаваж, – давай к менту в гости.

Бандит без лишних слов направился к соседнему дому. Следом за ним устремились еще двое боевиков. Это были Юнус Хизриев и Кахир Элимханов. Все роли распределены заранее, все знали свое место и задачи. Хаваж скрупулезно подходил к каждой операции.

– Готовы? – спросил он вполголоса и, не дожидаясь ответа, скомандовал: – Геберт, зови этого шакала.

Моджахед подошел к воротам и несколько раз ударил ногой по калитке. Где-то за домом залаяла собака.

Хаваж повел носом и учуял запах бензина. Бандиты взяли с собой несколько бутылок, чтобы поджечь дом.

Во дворе вспыхнул свет, и Геберт прильнул к щели между листами железа.

– Кто? – раздался голос.

– Сосед я твой, – стараясь изменить голос, протянул Геберт. – Мирзо. Выйди, разговор есть.

– К чему такая спешка? – видимо, заподозрив подвох, спросил Гурно. – Утром приходи.

– Ты что, боишься?

– Не похоже, что этот голос принадлежит Мирзо, – с издевкой пояснил свой отказ Гурно. – Иди с миром.

Хаваж оглянулся на приготовившихся к штурму бандитов и выразительно кивнул головой. Тут же во двор полетели сразу две гранаты. Раздались хлопки сработавших запалов. Кто-то поджег фитиль бутылки с бензином и швырнул в фасад дома. Однако перелетев через забор, она застряла в ветвях деревьев. Огненная дорожка потекла вниз по стволу, озаряя все злоеущим алым светом. Тут же раздались сразу два взрыва и звон битых стекол. Рванул прикрепленный к калитке заряд. Из-за небольшого расстояния Хаважа опрокинуло на спину.

– У, шайтан! – морщась не столько от боли в спине, сколько от досады, что с самого начала все пошло не так, как надо, прохрипел он, поднимаясь на ноги.

Слева раздался грохот выстрела из «РПГ».

Боевики бросились к калитке. Однако здесь возникло замешательство. Как оказалось, взрывом тротиловой шашки вырвало лишь кусок железа и пару досок. В образовавшийся проем с трудом мог пролезть даже ребенок. Геберт сунул в него руку и стал открывать запор. В это время со двора прогремела автоматная очередь, раздался стук по железу. В воротах появилось с десяток дыр, светящихся изнутри. Взыл и повалился на бок Усман. Во двор полетели еще две бутылки с зажигательной смесью и граната.

В этот момент Геберту удалось открыть калитку. Моджахед бросился к дому и тут же навалился грудью на взрывную волну и осколки брошенной пару секунд назад кем-то из своих гранаты. Замерев на месте, он рухнул на колени и повалился набок. Зарывав от досады, Хаваж рванулся вперед. Перешагнув через Геберта, он на ходу послал очередь вслед метнувшемуся в дом мужчине. Судя по всему, это был кто-то из родственников главы. У крыльца остался лежать еще один. Его, видимо, пытались затащить в дом, но не успели. Стреляя по окнам, Хаваж пригнулся и побежал к ним. Посреди двора горел бензин.

Раздался звон битого стекла. В тот же миг боковым зрением в одном из окон Хаваж увидел вспышку. Тут же сел на корточки, направил туда ствол автомата и надавил на спуск. Мимо быстро пронеслись две тени. Он огляделся. Ворвавшиеся во двор боевики были для тех, кто в доме, хорошими целями на фоне горящего бензина. Он выпрямился и бросился к входу. В этот момент кто-то метнул в окно гранату. Внутри дома раздался грохот, зазвенели вылетевшие из рам стекла.

Хаваж не понял, как оказался в комнате. Глаза разъедал дым сгоревшего тротила, пороховых газов. Пожара не было, только по одной из занавесок вверх полз маленький огонек. Он наугад выстрелил в дверной проем. Туда тут же метнулась чья-то тень. Хаваж закашлялся, присел и вдруг увидел сидящего под столом человека. Он смог разглядеть лишь его контуры. То, что это был кто-то из членов семьи главы администрации, он не сомневался и тут же выстрелил. Раздался детский крик, запричитала женщина. Стало ясно: под столом прятались двое – ребенок и, скорее всего, его мать.

Наконец вспыхнули и ярким пламенем загорелись занавески, и в свете пламени Хаваж наконец увидел свою жертву. Под столом завалилась набок молодая полуодетая чеченка, по которой ползал окровавленный малыш.

Внутри Хаважа все перевернулось. Он огляделся по сторонам, но никто не заметил, как он стрелял под стол. В комнате попросту никого не было. Зато из соседней доносились крики и глухие удары. Он выпрямился и устремился на шум. Взору открылась просторная гостиная, посреди которой лежал пожилой окровавленный мужчина. В углу двое моджахедов Хаважа били ногами молодого парня. Судя по валявшемуся рядом автомату, это он стрелял в окно, а лежавший на полу как раз и был главой администрации. Где-то во второй половине дома запричитали женщины, раздались выстрелы. Через пару секунд все стихло.

– Это и есть Гурно, – подтвердил появившийся сбоку Кахир Элимханов и присел перед пожилым. – Этого шакала еще во дворе ранило осколком гранаты, но он смог сюда доползти...

– Хватит, – поморщился Хаваж, чувствуя, что больше не может находиться в этом доме ни минуты. – Подожгите здесь все, и уходим.

С этими словами он устремился во двор, отводя взгляд от стола, под которым продолжал копошиться и кричать на труп матери ребенок.

Он всегда спокойно относился к тому, что его моджахеды попутно калечили и убивали женщин и детей. Это ведь война, а все они – родственники вероотступников. Но сегодня, когда сам впервые замарал руки кровью ни в чем не повинных людей, на душе было тошно.

Оказавшись на улице, Хаваж огляделся. Было светло как днем. Полыхал соседний дом. На все голоса лаяли собаки.

Он подошел к лежавшему на земле человеку. Это оказался подросток лет четырнадцати. Парень сжимал в руке нож. Он был еще живой, но ничего не соображал. В глазах плясали отблески пожара, а ноги вздрагивали, словно к нему подвели ток. Хаваж не стал его добивать. Он прошел мимо, отцепил висевшую на правой половине разгрузочного жилета радиостанцию, надавил на тон вызов и поднес ее к губам:

– Все, уходим!

Неожиданно распахнулась калитка в заборе дома напротив, и оттуда ударила автоматная очередь.

Он вскинул автомат, но его опередили назначенные в прикрытие люди Джамбека. Сразу с двух сторон прогремели ответные выстрелы. Из-за забора раздались причитания.

– Кто там такой резкий? – крикнул Джамбек.

Кахир устремился к дому.

– Все, хватит! – снова крикнул Хаваж. – Я сказал, уходим!

И тут вся улица озарилась багровым светом, это занялся огнем дом главы. От дома полицейского уже бежали люди. Хаваж развернулся и побежал прочь.

Оказавшись на окраине села, он остановился и оглядел свое небольшое войско.

Геберта несли на себе. Еще одного, раненного во дворе дома полицейского, с двух сторон придерживали под руки.

Хаваж подошел к боевикам, несшим Геберта:

– Как он?

– Живой, – ответил один из них. – Отойдем подальше, посмотрим, куда его зацепило...

– Надо торопиться, – запричитал грузин, размахивая пистолетом. – Зачем брать с собой раненого? Давайте оставим, он будет только мешать. Согласно международному праву, его не посмеют трогать.

– Твои земляки его соблюдали, когда бросали гранаты в подвалы домов в Цхинвали? – рассвирепел Хаваж. – И убери свою пукалку!

– Да, сейчас! – Донельзя перепуганный грузин сунул в висевшую на левом боку под разгрузочным жилетом кобуру пистолет и как-то неестественно вздрогнул. Левая часть разгрузки дернулась, а подбородок и грудь грузина на миг осветила едва заметная вспышка выстрела.

– У-ии! – завыл он не своим голосом, опускаясь на корточки и странно вытягивая руки вверх.

– Чего это с ним? – растерялся Хаваж.

Двое боевиков подскочили к грузину, стянули разгрузку. Пистолет до половины торчал из кобуры, а левый бок был весь в крови.

– Он совсем голову от страха потерял, – констатировал Бека Муцольгов. Единственный не носивший бороды моджахед выполнял функции врача. Когда-то он окончил два курса медицинского института, и теперь его знаниягодились.

– Сунул взведенный пистолет и надавил на курок, – стал пояснять Юнус. – Тот и выстрелил.

– Значит, этот кафир сам себе бок прострелил? – усмехнулся Хаваж. – Ладно, уходим.

Он был рад такому развитию событий. Хоть грузин пришел в отряд с благими намерениями, как и большинство чеченцев, он недолюбливал эту нацию, не считая их за людей. Прежде всего за позорную войну в Осетии.

– Подождите! – испуганно проскулил грузин. – Неужели вы меня бросите?

– Ты можешь идти сам, – заверил его Бека, говоря с сильным акцентом. – Совсем пустяковый у тебя рана. – И тут же добавил уже на родном, чеченском: – Лучше бы ты отстрелил себе яйца, чтобы меньше таких баранов рождалось на этот свет.

Все дружно рассмеялись.

Боевики двинули к лесу. Стеная и тихо бормоча что-то себе под нос, грузин шел предпоследним. Замыкал шествие Шовхал. Он вставил в гранатомет новую гранату и следил за тем, что происходит сзади, заодно подгонял Нугзара.

* * *

С момента, когда Бебури привез Ольгу и Зою в Тбилиси, прошло пять дней. Все это время Ольга занималась изучением «объекта». Леван Григалашвили действительно оказался достаточно состоятельным человеком. Владелец нескольких рыболовецких судов в Батуми, кроме всего прочего, имел в собственности небольшую гостиницу и пару салонов красоты. Вел здоровый образ жизни. По словам того же Бебури, целый этаж дома Григалашвили в старом городе, где он проводил большую часть времени, был отведен под спортивный зал, с беговыми дорожками, велотренажером и небольшим бассейном. Как и большинство грузин, он очень любил застолья. По городу перемещался всегда одними и теми же маршрутами. До обеда проводил время в офисе своей компании, недалеко от его квартиры по улице Нуцубидзе. После заезжал к жене – располневшая, со слегка гнусавым голосом грузинка предпочитала жить отдельно. Затем ехал в гостиницу, расположенную в старом городе, и там обедал в ресторане. Закончив все дела, мог отправиться в гольф-клуб или на ипподром. В зависимости от погоды и настроения. Темно-синим «БМВ» управлял его племянник, одновременно выполнявший роль телохранителя.

Ольга долго размышляла, как оказаться за одним столом с Григалашвили. По-другому подсыпать ему порошок, спрятанный в потайном кармашке левой чашки бюстгальтера, не выйдет. Помня слова англичанина, что препарат начнет действовать не сразу, она опасалась, что после застолья грузин успеет затащить ее в постель. Морально она была готова к этому. Другого способа, кроме любовной интрижки, чтобы подобраться к нему, Ольга не видела. Но тогда он может скончаться прямо на ней. То, что в кармашке яд, она не сомневалась, но по-прежнему старалась обмануть себя и поверить Бебури и его коллеге, что этот порошок просто вызовет у

Григалашвили легкое недомогание. С другой стороны, неуклюжие попытки убедить ее в безопасности препарата вызвали иронию. Как в таком случае ее кураторы определяют, сыпала она его вообще или нет? Может, он не станет обращаться к врачу. Вот если бы от него менялся цвет лица или человек начинал светиться. Она невольно улыбнулась своим мыслям.

Сегодня была пятница. Григалашвили обязательно во второй половине дня отправится в серные бани. Посещал он всегда одну и ту же, под номером пять. Там в это время его уже ждали. Приходил Леван пешком, поскольку располагались они в четверти километра от его второго дома. Стоило лишь спуститься по мощенной камнем узкой улочке под гору, и вот они, похожие на инопланетный город каменные купола. Помещения для мытья находились ниже уровня земли и представляли собой бассейн, по обе стороны которого стояли лежаки. Специально обученный банщик делал массаж-мытье сшитой из натурального грузинского ковра рукавицей. Ольга была здесь несколько раз, но такое удовольствие сильно ударяло по их семейному бюджету.

На облегающее платье Ольга накинула легкую ветровку и некоторое время размышляла, что надеть на ноги. Григалашвили был ниже ее, поэтому на высоких каблуках она могла казаться ему неприступной. Хотя грузинские мужчины никогда не комплексовали по поводу роста. Неожиданно она вернулась в комнату и решительно сняла платье, заменив его брючным джинсовым костюмом. Для него хорошо подходили белые кроссовки, которые она купила накануне за сорок лари.

В кепке с длинным козырьком, с распущенными волосами, она спустя час направлялась вверх по улице, где находился дом Григалашвили. Шла медленно, делая вид, будто любитесь развалинами древней крепости, венчавшей вершину холма. Здесь действительно было очень красиво, а сверху открывался прекрасный вид на город.

В попутном направлении шли несколько молодых мужчин и женщин. По странному стечению обстоятельств, все были одеты примерно так же, как и она, совсем не походили на грузин. Нагнав их, она поняла, что это туристы из Украины.

Миновав дом Григалашвили, Ольга посмотрела на часы. Примерно в это время он выходит из бань. Она достала фотоаппарат, прошла чуть выше и засняла красивый трехэтажный дом. Потом развернулась, сфотографировала бани, одновременно увидев через видоискатель Григалашвили. Он шел в сопровождении племянника. Ольгу охватило волнение, но она взяла себя в руки и медленно направилась в его сторону. Оглядывая стоящие вдоль дороги дома, Ольга делала вид, будто ищет, что еще заснять.

До Григалашвили оставалось совсем немного, она уже могла различить обрывки фраз. Подняв фотоаппарат, Ольга сделала еще один снимок крепости. На фоне вечернего неба она смотрелась особенно грациозно.

– Красиво у нас? – неожиданно за ее спиной раздался голос на русском.

– Ой! – Ольга вздрогнула и развернулась.

– Извините, девушка, что напугали, – прижал к груди руку рослый голубоглазый мужчина с русыми волосами.

Ольга перевела дыхание.

– Может, она не понимает русский? – хмыкнул Леван. На нем был красного цвета спортивный костюм и теплая куртка. Он выглядел даже лучше, чем на фотографии.

– Да, у вас красиво, – подтвердила Ольга. – А как вы узнали, что я не местная?

Оба грузина дружно рассмеялись.

– Почему вы смеетесь? – удивленно захлопала она глазами. – Я видела в Тбилиси много русских девушек.

– Но они не ходят и не фотографируют, как это делают приезжие, – пояснил племянник Григалашвили. – Откуда ты, если не секрет?

– Из Ростова, – Ольга отвела взгляд в сторону. – А почему вы спросили?

– Из России сейчас сюда едет очень мало людей, – с грустью в голосе пояснил Леван. – Все считают, что здесь в любой момент может снова начаться война.

– Бросьте, – отмахнулась Ольга и показала себе за спину. – Вон, например, туристы из Украины.

– Это совсем другое дело. – Леван сделался еще мрачнее. – Эта страна помогала нам, когда вы напали на нас...

– В России так не думают, – обиженно надула губки Ольга.

– Ладно, Зураб, пойдем, – неожиданно увлек своего провожатого Леван. – Пусть девушка отдыхает.

– А может, ей нужен гид? – игриво глядя на Ольгу, снова на русском спросил Зураб.

– Гид мне не нужен, – серьезно ответила Ольга. – А вот небольшая квартира или комната – да. Сначала я поселилась в гостинице, но не рассчитала своих финансовых возможностей. Боюсь, что до отъезда мне придется питаться только водой.

Грузины снова засмеялись.

– А как называется отель? – спросил Леван.

– «Формула-1», – ответила Ольга.

– Это та, что на Котэ Месхи? – уточнил Леван.

Она утвердительно кивнула головой:

– Правильно выговорить название улицы не смогу, но именно там.

– А я слышал, что там есть номера по двенадцать евро, – улыбнулся Леван. – Или это тоже для вас дорого?

– Самый дешевый – двадцать, – уверенно ответила Ольга, так как знала стоимость не понаслышке. Ее подруга работала в том отеле.

– По сравнению с другими это самая низкая цена, – хмыкнул Леван.

– Дядя, предложи ей поселиться у нас, – перешел на родной язык Зураб.

– Ты совсем с ума сошел? – нахмурился Григалашвили. – Что скажет моя жена?

– Я пошутил, – стушевался Зураб и бросил затравленный взгляд на Ольгу.

Делая вид, что не понимает, о чем речь, она разглядывала дом Левана. Его можно было назвать произведением искусства. Второй этаж опоясывал цвета летнего неба балкон, увенчанный замысловатой резьбой. Левее и выше на склоне была одна из достопримечательностей города – тбилисская мечеть. На ее фоне трехэтажное строение с черепичной крышей смотрелось эффектно.

– Нравится? – проследив за ее взглядом, спросил Григалашвили.

– Очень, – кивнула она. – Повезло людям, которые живут на втором этаже.

– Почему? – прищурился он.

– Оттуда наверняка видны весь город и Кура.

– Нет, Куру точно не видно. – Григалашвили хитро подмигнул Зурабу. – А вот с мансарды она как на ладони.

– Интересно, сколько стоит снять такую комнату?

– Пожалуй, ты прав, – тоже перейдя на грузинский, повернулся к Зурабу Леван. – Я предложу этому ангелу пожить здесь. Но ты даже и не думай приударить за ней. Вечером отправься в ресторан на проверку.

– Хорошо, – с потухшим интересом в глазах кивнул Зураб.

– Пойдем с нами, – снова на русском предложил Леван девушке и направился к дому.

* * *

– Что скажешь? – наблюдая за тем, как спецназовцы укладывают парашюты, спросил генерал Антона.

Они стояли на краю поля, у специальной бетонной площадки, которую с утра тщательно промели бойцы батальона обеспечения учебного процесса и застелили двумя огромными кусками брезента.

– Слов нет, одни слюни. – Антон отыскал взглядом Куциева.

Чеченец, прихрамывая, суетился вокруг Тумана, на пару с которым производил укладку своего парашюта. Левый глаз его был заплывшим, а куртка на локтях превратилась в лохмотья. Из всей группы Габбро – единственный пострадавший. Мало того, что приземлился далеко за границами «зоны», он к тому же упустил момент и, оказавшись на земле, не успел вовремя «погасить» купол. Налетевший порыв ветра опрокинул его и протащил еще пару десятков метров по пашне до ближайшего пенька, который его и остановил.

– Надеюсь, у тебя хватило ума на него не кричать? – спросил Родимов.

– Я никогда не кричу, – напомнил Антон.

– Ну, ругаться, – поправился Родимов.

– Да за что? – развел руками Антон. – Сам понимаю, после трех прыжков с «дубком» пускать его на ПО-9 – преступление.

– Но теперь, надеюсь, будет легче, – осторожно заглянул Антону в глаза генерал.

– Теперь, конечно, освоится, – согласился с ним Антон.

– Сделаем перерыв на сутки. Пусть его на тренажере погоняют, – порекомендовал Родимов. – Завтра, кроме тактической, будете восстанавливать грузинский язык. С этого дня по две пары ежедневно.

– Мы его и не знали особо, – пожал плечами Антон, уже примерно догадавшись, какого характера будет следующая задача.

Основным в группе по-прежнему считался английский. Но, кроме Ермака, практически все знали чеченский. Могли допросить на грузинском. Антон с Дроном говорил, ко всему прочему, и на дари.

– Вы не хотите ввести меня в курс дела? – осторожно спросил Антон.

– По поводу? – сделал вид, будто не понял, о чем речь, Родимов.

– Какая следующая задача?

– Думаю, ты и сам догадался.

– В общих чертах это всем ясно, – подтвердил Антон. – Но хотелось бы знать детали.

– Хорошо, пойдем, – согласился Родимов.

– Туман! – окликнул Антон заместителя.

– Я! – выпрямился тот.

– За меня остаешься.

И они с генералом двинули по направлению к учебному центру.

– Грузины активизировали свою деятельность по всем фронтам, – заговорил Родимов. – В ход идет все, что может создать условия срыва Олимпиады и вообще очернить Россию в глазах международной общественности. Разведка этой страны налаживает активные контакты даже с криминальными группировками в городах Центральной России. Что уж говорить о бандформированиях и подпольях Северного Кавказа!

– Прошла информация, что в Чечню из Грузии просочились несколько так называемых экспертов диверсионной работы.

– Это в Грузии эксперты, значит, появились? – улыбнулся Антон. – Саакашвили фильмов в юности про Рэмбо посмотрелся?

– Оценку их профессиональной подготовки давать не нам, – нахмурился генерал. – Известно только, что целью их работы является вербовка чеченцев в специальные отряды диверсионной направленности для действия в крупных городах. Одновременно появилась информация, что на территории Грузии, в районе Черной Арагви, между населенными пунктами Дихчо и Лутхуби, построен объект вроде нашего Центра.

– Верится с трудом, – хмыкнул Антон.

– Я имею в виду не оснащение и оборудование, а цели и задачи, – пояснил генерал.

– Вот насчет оборудования я бы как раз не спешил, – возразил Антон. – Их с удовольствием завалят чем угодно те же израильтяне и американцы. Они, конечно, клялись больше не иметь с режимом Саакашвили никаких дел, но это, как всегда, пустые слова.

– Сейчас большинство стран воздерживаются от открытых поставок. Тяжелее стало это делать и через Украину. Но там все равно масса компаний, практически неподконтрольных президенту, – согласился с ним Родимов.

– Только вот подготовить специалистов нашего уровня они не смогут, – Антон оглянулся назад, но площадка, где осталась группа, уже была скрыта от глаз соснами.

– Да, – кивнул Родимов, – пока это никому не удастся.

– Мне кажется, что там будут обучать людей для работы в Абхазии и Южной Осетии, – выдвинул предположение Антон.

– Все в этом сомневаются, – цокнул языком генерал. – Грузия делает непредсказуемые и глупые шаги. Недавно арестовали с десяток наших граждан, обвинив в шпионаже, а теперь предлагают обменять их на своих людей.

– Слышал, – кивнул Антон. – Надо и нам здесь пару сотен грузин отловить да в «Кресты» отправить.

– Те, кто переехал в Россию, это в основном недовольные положением дел у себя в стране люди или обыкновенные уголовники, – всерьез восприняв предложение Антона, ответил Родимов.

Разговор возобновили только в кабинете Антона. Родимов сел за его стол, включил компьютер. Филиппов опустился на стул, стоящий за столом для совещаний, и уставился в один из установленных по центру мониторов. Родимов открыл карту Грузии, на которой синими прерывистыми линиями были отмечены коридоры пролета гражданской авиации рейсов из Москвы на Баку и Ереван.

– Так, – протянул он и перевел взгляд на Родимова. – Уж не с пассажирского ли самолета нас собираются выбросить?

– Угадал, – подтвердил его предположение Родимов. – Озеро Базалети в сорока километрах севернее Тбилиси видишь?

Антон снова посмотрел на экран и кивнул:

– Вижу.

– Его огибают две дороги, – стал вводить в курс дела Родимов. – Одна на Млашу, вторая проходит через Душети.

– В общем, я понял. – Антон увидел очерченный красным цветом квадрат. – Район десантирования между лесом и берегом. Площадь около трех квадратных километров, – и вновь уставился на Родимова: – Как все будет выглядеть? – Его охватило волнение.

– Очень просто, – задумчиво глядя на Антона, заговорил Родимов. – Один из лайнеров, совершающих перелет по маршруту Москва – Баку, после взлета симитирует неисправность и, сделав круг, вернется в аэропорт. Как того требуют правила, авиакомпания выставит резервный самолет. Естественно, им будет наша переоборудованная «тушка». Со времен «холодной войны» и у нас, и у американцев остались подобные типы пассажирских самолетов двойного назначения. В багажном отделении устроен специальный отсек на десять человек. В заданной точке люк откроется.

– Могли бы мне этого не рассказывать, – с иронией в голосе произнес Антон и тут же напомнил генералу: – У меня ведь двенадцать подобных прыжков, в том числе и с такого самолета.

– Помню, – оживился генерал. – Ты потом сказал, что вплотную подошел к эксперименту с числом «тринадцать».

Антон поежился и перевел взгляд на экран:

– Высота в этом месте десять с половиной километров.

– Правильно, – подтвердил Родимов. – Если заметил, вам еще придется планировать около тридцати.

– Это понятно, – кивнул Антон. – Куциев не осилит.

– Будем насчет него думать, – нахмурился генерал.

– Как вариант можно рассмотреть вопрос о его проезде в Тбилиси на поезде из Украины. – предложил Антон. – Можно также через Баку или Ереван.

– Но хватит ли у него опыта изобразить из себя бывшего боевика, который собирается переждать там зиму?

– Думаю, в любом случае этот вариант более удобен, чем бросать его вместе со всеми.

– Начальство тоже так считает, – кивнул Родимов. – Перед вашей высадкой, где-то за сутки, сбросим контейнер. Но он будет в другом районе. Найдете по маяку, который активируют по запросу.

– У грузин неплохие станции слежения, – как бы невзначай сказал Антон. – Боюсь, маяк вычислят в два счета. Да и мы перед высадкой свои активируем. Иначе как я буду корректировать людей?

– Что предлагаешь?

– Ничего, – пожал плечами Антон. – Поставить помехи – это значит и нас заглушить. Да и нет сейчас наверняка таких средств.

– Может, перед этим попросту временно вывести из строя станции, которые контролируют этот район? – не сводя с Антона взгляда, спросил генерал.

– Вы предполагаете использовать еще одну группу? – удивился Антон. – А она туда на чем полетит? В ступах или на метлах?

– Не ерничай. – Генерал стал с задумчивым видом теревить подбородок. – Было бы у нас не трое, а хотя бы с десятков чеченцев, можно было бы отправить их туда, как ты говоришь, поездом. Провезти оборудование несложно. Кавказцев грузины не проверяют так рьяно, как русских.

– Пусть все чеченцы едут легально, – неожиданно предложил Антон, – и у нас меньше головной боли будет. По крайней мере, один Куциев неизвестно, как себя поведет. Джин с Шаманом уже работали во многих странах и в Грузии были дважды.

– Хорошо, – неожиданно согласился Родимов. – Тогда завтра предложу твой вариант. В случае, если его одобряют, закруглимся с прыжками и начнем вплотную готовиться непосредственно по теме.

– Тренировочный высотный все равно нужен, – заволновался Антон. – Ермаков и Гуцин не прыгали.

– Эти хорошо освоили другие системы. Поэтому ограничимся завтра тренировкой в аэродинамической трубе, а на пятницу закажем самолет.

– Прохладно сейчас для таких экскурсий, – поежился Антон.

– Это точно, – посочувствовал Родимов. – Но ничего не поделаешь, служба такая. Да и летом это удовольствие не из приятных, – продолжил он. – На такой высоте всегда под минус пятьдесят.

– Разрешите идти? – поднялся Антон.

Родимов лишь кивнул.

Глава 3

Хаваж проснулся, словно от толчка, и тут же вытянул вперед левую руку. И вовремя. В свете фар на них неслись две росшие от одного корня березы. В следующий момент его оторвало от сиденья. Раздался глухой удар, и машина встала. Если бы Хаваж спал, наверняка разбил бы головой лобовое стекло, а так успел смягчить столкновение, уперев ладонь в панель.

– Ты что, уснул? – прохрипел сидевший сзади Джамбек.

– Дорога от дождя скользкая, – стал оправдываться Усман. – Снесло.

Справа траву и кустарник осветили фары ехавшей сзади «Нивы».

– Вон насколько с дороги слетели, – проворчал Джамбек.

– А если бы здесь ущелье было? – раздался дрожащий голос грузина.

Он не знал их язык и говорил на русском, поэтому Хаваж не сразу понял, что тот сказал, а когда до него дошло, сразу ответил:

– Тогда бы все умерли. – Он намеренно произнес это спокойно и толкнул дверцу. Но она уперлась в кустарник.

– Я попробую сдать задом, – засуетился Усман и повернул ключ зажигания.

Поскрипев стартером, машина вздрогнула и завелась. Хрустнув коробкой передач, Усман включил заднюю передачу. «Уазик» затрясло, но он лишь сполз на полметра ниже и заглох. Машину уже окружили ехавшие следом боевики.

– Шовхал, посмотри, что там? – открыл дверцу Усман.

Бородач исчез в темноте. Присев на корточки перед машиной, он стал осматривать повреждения.

– Сам почему не выйдешь и не посмотришь? – удивился Хаваж, ежась от заполнившего салон сырого и холодного воздуха.

– Ручной тормоз не работает, боюсь педаль отпустить.

– Молодец! – вспыхнул Хаваж. – Ты в горах едешь на неисправной машине?!

– Что случилось? – вновь раздался взволнованный голос грузина.

– Ничего страшного, – успокоил его сидевший рядом Джамбек. – Просто на машине нет тормозов.

Грузин заерзал и стал озираться по сторонам.

Тем временем Шовхал вновь появился в свете фар и вернулся к дверям:

– Ничего страшного. Бампер даже не помял.

– Толкните, – попросил Усман.

Боевики облепили переднюю часть «уазика». Вскоре, изрядно надымив самопальным бензином, машина вновь оказалась на дороге.

– Командир не должен ехать первым, – проблеял перепуганный грузин, – тем более на неисправной машине. Что будет с людьми, если ты погибнешь?

– Ты зачем приехал сюда? – Хаваж развернулся всем телом на сиденье и уставился на Нугзара. – Это твоей стране американцы и евреи присылают «Хаммеры» и лучшие в мире беспилотные самолеты, а мы воюем на том, что сами добываем в бою. Дай нам половину того, что есть у вас, и мы прогоним русских до самой Москвы. У них давно воевать нечем. Еще в Первую чеченскую я носил в кармане радиостанцию размером с ладонь, а русский комбат водил за собой солдата, у которого за спиной висел огромный железный ранец. Так вот, я мог говорить на то же расстояние, что и он, причем в два раза дольше и без помех. Эта страна вооружила всех своих врагов, только не себя. И не думай, что чеченцы такие тупые.

– Извини, если я сказал что-то не так, – промямлил грузин.

Вновь тронулись в путь. Спустя час встали, не доезжая до шоссе, соединившее Грозный с южной частью республики. Трое моджахедов ушли проверить, нет ли поблизости постов.

Через полчаса небольшая колонна двинула вперед. Хаваж опять задремал и поплатился за это, больно ударившись головой об окно дверцы.

К рассвету, измученные и голодные, они въехали в огромный овраг, обрамленный по краям густым кустарником. Ветви росших по обе стороны деревьев почти касались друг друга над головой.

– Летом, когда много листьев, машины сверху совсем не видно, – выбравшись наружу, сказал Джамбек грузину.

Боевики спешно маскировали машины кусками маскировочной сетки, просто сыпали на крыши и капоты опавшую листву. Вскоре покрытые грязью «Нивы» и «уазик» почти слились с общим грязно-серым фоном.

Хаваж вернулся к устью оврага и стал наблюдать за тем, как двое боевиков замечают следы колес ветвями деревьев. Неожиданно ему на глаза попался грузин. Держа в руке какой-то прибор, он смотрел на жидкокристаллический экран.

– Что ты делаешь?

– Это джи-пи-эс-навигатор, – самодовольно улыбнулся Нугзар. – Хочу определить наше местонахождение.

Рассвирепев от злости, Хаваж бросился к нему. По-видимому, решив, что чеченец сейчас его будет бить, тот присел на корточки и закрыл голову руками. Но Хаваж лишь вырвал у него прибор и с силой швырнул о землю.

– Если тебе надо узнать, где мы, спроси у меня, – процедил он сквозь зубы. – Не надо здесь пользоваться никакими приборами. Хочешь, чтобы нас вычислили? Не волнуйся, тебе еще посчастливится, и не раз, побывать под ракетными ударами.

Грузин испуганно посмотрел в небо:

– Неужели они могут засечь работу навигатора?

– Откуда я знаю? – уже более миролюбиво проговорил Хаваж. – Но не исключено, что любую электронную игрушку они видят.

– Что же делать? – в отчаянии спросил грузин и выпрямился.

– Ждать будем, – пожал плечами Хаваж. – Если нас начнут убивать, значит, ты виноват.

От такого заявления бедный грузин сделался бледнее мела.

– Все, уходим. Усман, Салтахан! – окликнул Хаваж и, дождавшись, когда боевики подойдут к нему, уже вполголоса, чтобы не слышали остальные, поставил задачу: – Оставьте здесь «сюрпризы» – на случай, если придут русские кафиры или кадыровцы.

Этим двоим он доверял как себе. Таких в отряде было немного. Хаваж опасался предателей. Машины минировались и на тот случай, если кто-то из моджахедов в момент внезапного нападения русских попытается бежать без команды. Лет пять назад такое уже было. Дом в высокогорном ауле окружил спецназ. Транспорт был спрятан недалеко в ущелье. Оставшийся его охранять моджахед, услышав стрельбу и взрывы, уехал. Когда Хаваж почти без потерь все же прорвался к месту стоянки, оказалось, что вместо трех там было всего два автомобиля. Они с трудом ушли на перегруженных машинах от преследования. Труса потом нашли и убили.

До укрытия по прямой было чуть больше трех километров, но Хаваж сначала двинул в противоположном направлении. Через полчаса марша осторожно, стараясь не оставлять следов, основная часть отряда свернула вправо. Двое специально назначенных моджахедов продолжили свой путь дальше на восток. Их задача – до сумерек выйти к реке, оставив по пути следы передвижения группы людей. Для этого у них были упаковки от «Сникерсов» и пластиковые бутылки из-под минеральной воды. Все делалось с таким расчетом, чтобы, в случае, если кто-то найдет машины, решил, что отряд двинул в направлении Ведено. К исходу завтрашнего дня моджахеды вернутся. Потом они будут неделю сидеть как мыши и ждать, когда уляжется шум. Ровно столько по лесу будут рыскать кадыровские собаки и русские шакалы.

Под покровом опустившегося тумана в полдень вышли к почти отвесной скале. Здесь одна из забитых песком расщелин еще лет пять назад была расширена и углублена. Четверо пленных русских трудились месяц, оборудуя это укрытие. В основном днем долбили, а ночью или в туман сносили щебень и песок к расположенному в километре ручью.

– Джамбек, – позвал своего заместителя Хаваж.

– Слушаю тебя. – Поглаживая косматую, черную как смоль, бороду, Джамбек выжидающе уставился на Хаважа.

– Пока будем обустриваться, выстави двух моджахедов в охранение. Одного у тропы, – он развернулся и показал направление, по которому они подошли к скале, – а второй пусть поднимется выше и смотрит во все стороны.

– Понял, – кивнул Джамбек и отправился выполнять задание.

– Ты видел такие отели? – глядя на гигантские каменные перья, уткнувшиеся в низко нависшие облака, спросил грузина Хаваж.

– Где? – Не понимая, о чем речь, тот водил взглядом по нагромождению камней мутным, ничего не видящим взглядом. Многокилометровая прогулка по скользким горным тропам измотала его вконец. Бедняга едва держался на ногах, а от его куртки шел пар.

– Вот отель, пять звезд, – показал насмешливым взглядом прямо перед собой Хаваж.

– Мы будем жить у этой скалы? – попытался угадать грузин.

Тем временем Усман на пару с Анзором Чараевым скрылись среди еще зеленых кустов. Послышался хруст веток, что-то стукнуло.

– Ну, что там? – Сгорая от нетерпения, Хаваж направился следом.

Продравшись через колючие заросли барбариса, он оказался перед входом в рукотворную пещеру. Узкая щель, высотой в человеческий рост, куда можно было протиснуться только боком, закрывалась сколоченным из досок щитом, на котором были закреплены уже высохшие ветви деревьев. Усман и Анзор оттащили его в сторону и забрались внутрь. Хаваж снял рюкзак, взял его в руку и направился за ними. Через два шага стены расщелины расступились, и он уже шел свободно. Усман зажег фонарь. Пятно желтоватого света скользнуло по грубо сколоченным нарам, потом переместилось в центр и, задержавшись на обложенной камнями железной печке, перескочило на стол, посреди которого стояла покрытая толстым слоем пыли керосиновая лампа.

– Возьми, осторожно сними стекло и протри. Потом очисти лампу и попробуй зажечь, – приказал Хаваж Анзору.

Парень подошел к столу.

– Под нарами была канистра с керосином, – напомнил командир.

Сзади послышался шум трущейся о камни одежды, и стало темнее. Усман направил фонарь на вход. Хаваж обернулся и увидел Джамбека. Щурясь от яркого света, он прикрылся рукой:

– Ну что, надеюсь, здесь после нас не успели побывать гости?

– Все осталось как было, – заверил Усман. – На входе к дверям была привязана растяжка. Я снял ее...

– Нужно полить пол водой и промести, – по-хозяйски распорядился Джамбек и многозначительно посмотрел на самого младшего в отряде боевика.

Анзор Чараев без лишних слов отправился ломать веник.

Спустя час в новом пристанище обустроился весь отряд. Свет керосиновой лампы освещал довольно просторное помещение, в котором с легкостью могло разместиться в три раза больше людей, чем было у Хаважа. Одни застилали нары резиновыми ковриками, другие спальными мешками, третьи развешивали на устроенной слева от входа вешалке куртки. Кто-то стал ремонтировать развалившуюся лавку. Одна из стен каменного мешка была сырой, но отсутствие ветра создавало иллюзию, что здесь теплее, чем на улице.

– Когда можно будет печь растопить? – робко спросил Хаважа Джамбек.

– Давай сейчас, надо прогреть эту нору. Думаю, в таком тумане дыма никто не увидит.

Труба выходила в соседнюю расщелину, и над скалой, даже если топить буржуйку углем, дыма почти не будет видно. Это Хаваж знал точно, так как сам проверял.

Морщась и кривя губы, Нугзар Табагири снял с себя одежду. Оставшись в одной майке, он подошел к лампе и стал разглядывать свою рану. Пуля попала под ремень и оставила там неглубокую борозду. Однако лицо у Нугзара было таким, словно как минимум лишился ног.

– Иди, я посмотрю, – позвал его Бека.

Он уже приклеивал бедолаге тампон из марли, чтобы рану не так сильно терла одежда, но все это через час ходьбы набухло потом и отрывалось. Они дважды останавливались только из-за стенаний горе-разведчика. Раненный в грудь Геберт доставлял меньше хлопот.

Вот и сейчас грузин стал морщиться и стонать.

– Как они вообще собирались воевать с русскими? – с недоумением проворчал Джамбек.

– Э-ээ, – протянул Бека, осветив рану грузина небольшим фонариком. – А температура есть?

– Что там? – заволновался Нугзар.

– Совсем плохо дело, – подмигнул Бека Джамбеку, – заражение начинается. Еще день, и уже ничем тебе не смогут врачи помочь.

– Как заражение? – Придерживая край майки, грузин выгнулся вопросительным знаком, чтобы увидеть свою рану. – Так чего ты медлишь? Делай хоть что-нибудь!

– Я ничем не могу тебе помочь, – продолжал издеваться Бека. – Умирать, наверное, будешь. Не станем же мы все из-за тебя сдаваться русским?

– Как? Что? – Нижняя губа грузина скривилась, словно у ребенка, который собирается разрыдаться, а ноги затряслись. – Отправляйте меня в больницу! Я ничего не скажу русским...

– Так уж и не скажешь, – поддержал розыгрыш Хаваж. – Они тебе один укол поставят, все расскажешь.

– Нет! Я гражданин Грузии! – срывающимся голосом выкрикнул Нугзар.

– Ну и что здесь такого? – хмыкнул Джамбек. – Какая разница, где тебя закопают? Черви везде одинаковые.

От этих слов грузин пошатнулся, опустил руки, и окровавленная майка вновь закрыла рану.

– Ладно, это шутка, – хлопнул его по плечу Бека. – Два-три дня пройдет, затянется все. На ночь я тебе укол антибиотика сделаю.

Грузин с трудом подошел к нарам и медленно сел.

* * *

Ольга подошла к окну. Вид с мансарды был действительно захватывающий. Особенно в это время, когда в городе включились сотни фонарей, рекламных огней и подсветок. Но уже второй день ей было не до красоты ночного Тбилиси. Она легко добилась чего хотела. Вот он, Леван Григалашвили, этажом ниже у себя в кабинете. Однако теперь, когда задача-максимум была выполнена, Ольга вдруг отчетливо поняла, что совершила по меньшей мере глупость. Обдумывая план, она не учла, что на нее в полиции есть все данные, от фотографий до отпечатков пальцев. Кроме Левана, ее видели Зураб и горничная. Как ни крути, если с Леваном что-то случится, главным подозреваемым окажется именно она. Теперь Ольга не знала как быть. Вчера она с трудом отбилась от предложения Зураба подвезти ее до гостиницы. Вернувшись на конспиративную квартиру, тут же собрала вещи и попыталась дозвониться до Бебури, но его телефон оказался отключен. Потратив шесть лари, она доехала до бань, а остаток пути прошла пешком. Однако уже у самых дверей ее вдруг осенило, что Леван может поручить

проверить Зурабу, жила она в гостинице или нет. Немного поразмыслив, Ольга отогнала эту мысль и нажала на звонок.

Дверь открыла невысокая полная грузинка. Стянутые на затылке в тугий узел черные волосы, на висках серебрится седина. Сначала Ольга оторопела, решив, что это жена Левана, однако по тому, как женщина по-хозяйски взяла из ее рук часть вещей и направилась внутрь дома, она поняла, что это горничная.

Потом Леван лично показал ей свои апартаменты, а уже ближе к вечеру они вдвоем ужидали в гостиной. Несколько раз Ольга пыталась поднять вопрос об оплате комнаты, но он начал шутливо сердиться и говорить, что она его гостя. Как ни странно, Леван не стал приставать, хотя с наступлением темноты они остались в доме одни. Она уснула далеко за полночь. Утром, после завтрака, который накрыла рано пришедшая горничная, Ольга сделала вид, будто отправляется осматривать достопримечательности Тбилиси. Леван уехал с Зурабом по делам. Она бесцельно бродила по улицам, периодически названивая Бебури, но тот словно сквозь землю провалился. Стало страшно. А что, если после того, как она выполнит задание, грузин так и не появится?

Вернувшись домой, Ольга за ужином выпила больше обычного, и сейчас слегка кружилась голова. Ей не было плохо, однако легкое опьянение усиливало депрессию. Нет, если даже завтра у нее будет возможность привести план в действие, она не станет этого делать. Нужно сначала посоветоваться с Бебури или подсыпать порошок перед самым отъездом. А если ее обманули и Леван сразу умрет?!

Ольга встала и начала ходить по комнате из угла в угол. Комната была небольшой, но уютной. Из-за двускатного потолка, опирающегося всего лишь на полтораметровые вертикальные стены, здесь стояла только невысокая мебель. Старинные комоды, просторная деревянная кровать. Между двумя креслами круглый столик с витиеватым узором на единственной толстой, похожей на рюмочную ножке. На нем всегда стояла ваза со свежими фруктами. На полу бордовый ковер, под которым все равно скрипел пол.

«Глупая курица! – ругала она себя. – Какого черта надо было соглашаться на предложение Левана? Ведь он сначала не хотел пускать меня в дом. Собирался отправить в свою гостиницу...»

От размышлений отвлек звук шагов на лестнице, и она замерла посреди комнаты.

– Тук-тук! – раздался голос Левана. – К вам можно?

– Да! Конечно! – Едва справляясь с волнением, Ольга включила висевшие на стенах бра. Скрипнула дверь, и в комнату вошел Леван.

– Извини, но ты по моей голове ходила туда-сюда, вот я и решил, что у тебя неприятности. – Он показал взглядом себе под ноги и улыбнулся.

– Ой! – смутилась девушка. – Я совсем забыла, что вы в кабинете.

– Ничего, – отмахнулся Леван, прошел к столику, на который выставил бутылку вина и два бокала. – Мой дед делал. Два месяца назад стал пробовать. Хочешь?

– Я много выпила за ужином. – Ольга виновато улыбнулась и провела тыльной стороной ладони по лбу. – Извините. Обязательно попробую, но в другой раз.

– Вах! Где еще такое красивое место увидишь? – подходя к окну, воскликнул Леван.

– Да, здорово здесь у вас, – согласилась Ольга, глядя на его мощную красную шею.

– Ты выключи лампу, вид лучше будет, – посоветовал он.

Она щелкнула выключателем.

– Иди, смотри.

Ольга повиновалась и подошла к Левану.

– «Тбили» по-грузински – «теплый», – негромко, с характерной хрипотцой стал рассказывать он. – Тбилиси – город теплых ключей. Примерно полторы тысячи лет назад в один из таких источников, вместе с пойманным фазаном, упал ловчий сокол грузинского царя Вахтанга

Первого. Тогда царь повелел построить на этом месте город. Видела внизу сделанный из камня сокол и фазан? – неожиданно спросил Леван.

– Я даже сфотографировала его, – кивнула Ольга, чувствуя, как Леван приблизился к ней. Ей было до того страшно, что, казалось, он уже слышит, как стучит в груди ее сердце.

– Вон, видишь? – Он вытянул правую руку в сторону одной из многочисленных остро-конечных церквей. Вторая рука коснулась в этот момент ее талии. Она вздрогнула, словно от ожога.

– Ты боишься меня? – Леван сделал вид, будто удивился.

– Нет, – она покачала головой, но слегка подалась вперед.

Однако грузин был настойчив. Его рука скользнула по ее спине.

– Не надо! – простонала Ольга.

– Вино пробовать не хочешь? – касаясь шершавыми губами краешка ее уха, спросил Леван.

– В другой раз, – пообещала Ольга и тут же пожалела об этом. Ее ноги оторвались от пола, потолок, освещенный лишь попадающим через окно светом уличного фонаря, развернулся, и через мгновение она уже коснулась лопатками мягкого покрывала.

– Не надо! – Ольга выставила руки, упираясь в могучую грудь Левана.

– Почему? Я старый, да? – Он навис над ней на выпрямленных руках. – Я не останусь в долгу. Обещаю...

– Но я не проститутка! – выдавила она из себя, больше не в силах терпеть давление.

– Никто не сказал, что ты девушка легкого поведения! – зашептал грузин. – Я бы такую на порог не пустил.

Ольга не знала как быть. Вдруг, если сразу сдаться, он заподозрит неладное, или, наоборот, рассвирепеет, если не пойти навстречу?

Неприятно щекоча кожу, Леван стал целовать ее в шею, постепенно спускаясь все ниже. Вот его толстые как сардельки пальцы ухватились за узелок на халате. Пояс свалился. Увидев, что под ним ничего нет, он зарычал и ухватил губами сосок. Она вздрогнула, когда почувствовала его язык. Было мерзко и приятно одновременно. Приятно оттого, что Ольга давно хотела этого, мерзко потому, что Леван был ей противен. Однако он, как и большинство кавказских мужчин, знал свое дело. Она вцепилась ему в волосы. Непреодолимое желание захлестнуло Ольгу. Леван был чутким любовником, почувствовал это и вошел в нее. Она даже не поняла, когда он успел снять с себя одежду...

Проснувшись Ольга ближе к полудню. Левана рядом не было. Она даже не заметила, как он ушел. Торопливо накинув халат, Ольга отправилась в душ. Умывшись и переодевшись, спустилась в гостиную. На кухне кто-то гремел посудой. Ольга осторожно прошла и заглянула в дверь.

– Доброе утро! – приветствовала она горничную.

– Здравствуй, – ответила та, продолжая протирать тарелки. – Кушать будешь?

– Если можно, кофе, – попросила Ольга.

– Сейчас! – Женщина поставила на стол тарелку и повернулась к стоящей в центре кухни плите.

– Давайте я сама! – Неожиданно Ольге пришла в голову идея, и она шагнула через порог.

– Пожалуйста. – Женщина протянула ей кофеварку. – Там на полке зерна, – она показала взглядом на шкафчик рядом с Ольгой.

Вернувшись в гостиную с чашкой ароматного напитка, Ольга села на диван. Обжигаясь, сделала несколько глотков. Взгляд, словно магнит, притягивал бар, которым в первый день хвастал Леван. В устроенной в стене бочке было собрано огромное количество самых разных бутылок со всего света. Наконец она решилась, подошла к нему и открыла. Того вина, с которым он приходил накануне к ней, не было. Не увидела она его и у себя в комнате. Кто мог

забрать? Горничная? Она покосилась на выход из кухни, размышляя как быть. Потом допила уже остывший кофе и направилась в кухню.

– Вчера Леван предлагал мне вино, которое делал его дед. – Она помыла под краном чашку и поставила рядом с мойкой. – Это правда?

– Что? – не поняла женщина.

– Сколько тогда ему лет?

– По нашим меркам, немного, – продолжая чистить сковороду, улыбнулась женщина. – Шестьдесят. Я занесла утром бутылку к нему в кабинет. Обычно в этом доме он пьет только его.

– Я сегодня уезжаю, – с грустью проговорила Ольга.

– Он знает, сказал, придет пораньше, – кивнула горничная.

«Неужели собирается проводить?» – ужаснулась Ольга.

– Он такой, – продолжала горничная. – Ты очень ему понравилась. И вообще, Леван сказал, что ты смелый девушка. Приехала одна из России в Грузию, которую все ругают...

Ольга пропустила слова горничной мимо ушей. Голова шла кругом от потока информации.

– Зачем меня провожать? – удивилась она, думая, как выкрутиться из столь щекотливого положения. Ведь у нее даже нет украинского паспорта, а Леван наверняка попросит Зураба купить ей билет.

Неожиданно Ольге пришла в голову мысль, что можно соврать, будто сначала она поедет в Кутаиси, где живут ее родственники, и уже оттуда домой. Тогда паспорт не нужен. В конечном итоге она поняла, что рано паникует. Еще неизвестно, получится у нее или нет претворить в жизнь задуманное. Она отправилась вверх. Поднявшись на второй этаж, остановилась и прислушалась. Следом никто не шел. С замиранием сердца подошла к дверям кабинета и тихонько открыла их. Бутылку, с которой хозяин дома приходил к ней накануне, Ольга нашла в правой тумбе большого старинного письменного стола. Трясущимися руками вытащила из шва чашки бюстгальтера небольшой пластиковый пакетик, оторвала кончик и откупорила бутылку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.